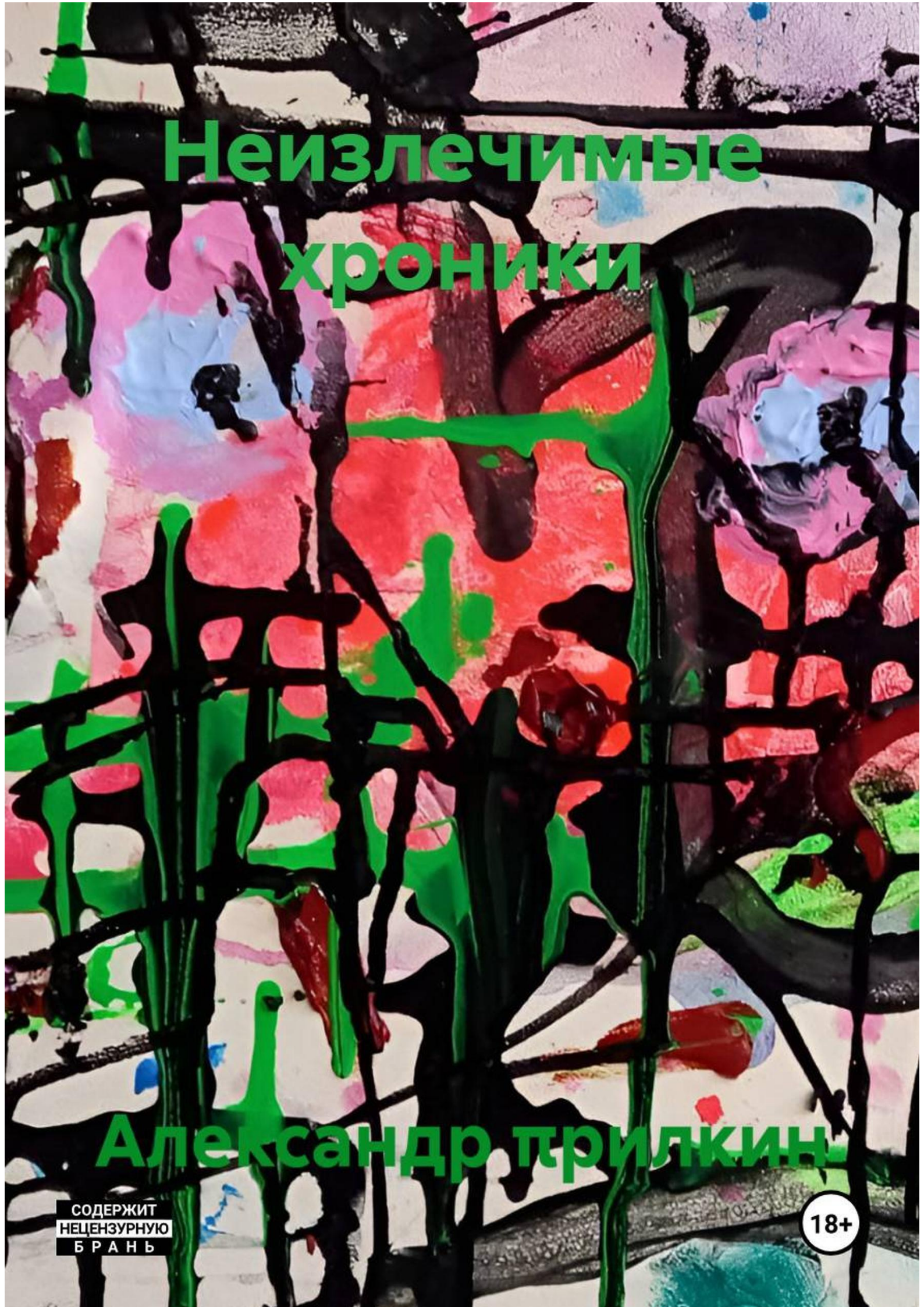

Неизлечимые хроники

Александр Трилкин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр прилкин

Неизлечимые хроники

«Автор»

2026

лрилкин А.

Неизлечимые хроники / А. лрилкин — «Автор», 2026

Пунктуация и орфографические ошибки присутствуют в исполинских масштабах. Книги в редактуре и модерации. Автор ничего не пропагандирует, он просто дурак. Неизлечимые хроники про всех тех, кто неизлечим от самого себя.

© лрилкин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Паразит паразиту не пара	5
Полигамная абракадабра	13
Ананасы в кошмарном, ананасы в шампанском	20
Реинкарнация ожиданий	36
Любовь со скоростью света	50
К	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Лрилкин

Неизлечимые хроники

Паразит паразиту не пара

Моросящий дождь каплет на и без того сырую землю. Запах округа состоял из жжённых пластмассовых цветов; отсыревших конфет, под фантиками которых прятались спасающиеся от капель жучки; почвы с трухой пожелтевшей травы; смол из расколотых искусственных гранитных плит; прогнивших деревянных крестов. Лоза проросшая сквозь осунувшиеся заборчики с облезлой краской тянула за собой портреты со стёртыми от времени лицами. Гром гудел эхом сквозь пустующее пространство, словно заблудившийся путник в глуши. Лужа отражала молнии, пока сами электрические разряды в атмосфере били по тверди планеты и освещали бездонную ночь. Испуганные голуби кружились единым строем, спасаясь от редких хищных чёрных коршунов. Ворон глумливо взирал на пылкий спектакль естественного отбора, выглядывая из ветхой скудельницы. Невзрачные эпитафии, барельефы, памятники впустую красовались перед природой.

Рука кротом выковыривала себе лунку из под грунта. Мелкие песчинки врезающиеся в плоть оставляющие за собой лишь синяки. Проявившись наполовину, до локтя, десница нащупывала за что бы ухватиться. Надыбав железный прут забора, схватила из всех сил, правая рука тащила из могилы остальные части тела. Проржавевшая оградка с лёгкостью и лязганием опадала наземь от натуги конечности, успев в падении поцарапать всю ладонь пленника кладбища. Наконец проклёвывается и вторая рука. Облокотившись об промозглую поверхность локти рук вдавились и давлением вытащили большую часть тела. Процессия походила на затруднительные роды.

Обнажённый человек, покрытый грязью, пытался сфокусировать своё зрение хоть на чём-нибудь. Он тер свои глаза, пытаясь убрать мешающий ему предмет. Отмахнув единым броском комком червей с глазных яблок, он наконец узрел величие пустующих земель. Лишь клёкот птиц и безмолвная возня насекомых окружала его. Осмотрев себя с ног до груди, человека незамедлительно помutilo. В его лоне ползали опарыши, волосах забились черви и в районе пресса зияла огромная дыра. Он попытался смахнуть с себя очистителей природы, но они лишь заползли вглубь своего мясного дома. Черви легко поддались чистке, после падения, они продолжили извиваться, но уже зарываясь в недра поверхности.

- Э-э-э-й! П-о-о-о-мо-о-о-гите! - Зазывал голый человек, но ответом было лишь эхо.

Не обнаружив людей вокруг, он принял волевое решение выйти как можно быстрее с этих земель. Уж больно удручающе и ужасающе выглядела эта реальность.

- Может я стал зомби? Или не умер до конца. - Думал он про себя.

Он спохватился, треснул себя ладонью по лбу за свою несообразительность. Сложив два пальца вместе, он попытался нащупать пульс.

- Чёрт, никогда не умел это как следует делать. Тогда проверю сердцебиение. - Горестно, шёпотом признавал парень.

Но не обнаружив ни пульса, ни сердцебиения, он лишь продолжил свой путь дальше. Его разум пронзил шок. Под ливень и гром, среди наследия человечества в виде могил и горящих пластмассовых цветов от молний, он продолжил свой путь в пустомыслие. Пейзаж не менялся длительное время.

- Я бреду примерно пару часов, что за херня то тут происходит? - Умоляюще взывал он.

Пытаясь разглядеть имена, фамилии, отчества он обнаруживал лишь непонятные иероглифы. Памятные истуканы не походили на человека, их образ был похож на скрещивание разнообразных геометрических фигур и конечностей животных. Выцветшие фотографии, мраморные иконки, портреты-гравюры, если у чего-то и сохранилось лицо, то оно было смазано, виднелись лишь очертания, но странные мутные отростки мешали воспринять и связать с тем, что мужчина видел раньше.

Периодически он поскальзывался, падая он проклинал всё вокруг. После очередного падения он остался лежать неподвижно. И чтобы не травмировать своё сознание хлестче, не смотрел на свою отсутствующую часть живота. Липкая и мокрая чёлка волос перекрыло ему зрение. Отодвинув мешающие локоны, его взор устремился на серые, кучные тучи, вымеобразные облака пробудили у него аппетит. Силы покидали его бранный дух. Но желание бороться пропало быстро и он отключился, погружаясь в коматозный сон, так и оставшись валяться на неизвестной юдоли.

Природа смиростивилась и прекратила бурю. На смену непогоде прояснилось солнце, светящее, но не греющее. Своенравный ветер гонял по поле брани пустые пакеты, немного задевая осушенные до дна чекушки с водкой, из-за чего периодически возникала симфония звона, разбивающегося стекла и формирующихся в падении трещин. Где-то в дали слышался хоровой то ли плач, то ли смех.

Над человеком в обмороке реяли вороны. Спикировав вниз, впившись в плоть когтями лап, они приступили к пиршеству, выклёвывая куски мяса массивными и острыми клювами. Мужчина долгое время ничего не чувствовал, но как один из воронов попал в его остывшее и не сокращающееся сердце, он вскочил. Подражая ожившему пугалу он прогонял их прочь. Оглядевшись, он так и не обнаружил изменений.

- Значит не сон... - Констатировал про себя оживший покойник.

Его ноги сами зашевелились и продолжили своё паломничество вперёд. Он полз никуда не сворачивая. Периодически у него возникало жжение в теле, это продолжали прогрызать свои туннели личинки. В его чувствах пребывала лишь злоба и обида. До конца не осознавая из-за кого возникает непреодолимое бешенство, он продолжал проклипать склизкий элемент своей памяти. Его вера непоколебима в том, что именно человек послал его сюда.

- Кто это говорит! Я слышу тебя! И как ты пробрался в мои мысли! - Воем голосил парень, обращаясь ко мне. - Не начинай тут! Это что, какая-то игра!? - Неунимался он.

Вдруг задрожала земля, земельные пригорки на могилах рыхлыми комками разбросались по сторонам.

- Останови это! Что ты творишь!? - Не осознавая своих прегрешений требовал падший.

Выползшие «твари», как бы, вероятно, их обозвал мужчина, уставили на него свой взор.

- Я не вижу их лиц! Кто это? - Морщинистое лицо со шрамом на правом глазу суетливо вертело по сторонам.

Если бы он пытался понять не зрением, а своим разумом, памятью, без самозащиты, с признанием своей никчёмности, может быть что-то и вышло.

- Я ничего не помню!

Я, я, я, я. Как много «Я» в твоих изречениях.

- Помогите! - Рухнул на голые колени глупец.

Тела у своих могил затряслись. Хворь отчаяния бурлила паразитами в них. Они жаждали спасения, лишь одно могло их спасти.

- Я не хочу умирать, пожалуйста, прошу, пощади. - Рыдал закрыв ладонями глаза тот, кто считал себя мучеником.

Безграничными впадинами глаз покойники уставились на нагого плаксу. Светоч надежды засиял в их сердцах. Миллиарды лучей заструились из их тел напрямик в парня.

- Больно! Больн...

Не успев договорить, он ощутил, что у него мало времени. Его тело таяло на глазах. Исыхало, кожа стала походить на курагу.

- Простите, простите все!

Обжигающий свет сердец остановился. Неподвижной картиной застыл мир. На последнем издыхании удалось выжить подлецу. Тем не менее, хотелось бы поговорить с ним более детально. Думаю с него пока что хватит неопределённости.

- Дорогой, я нажарила ещё картошечки, как ты любишь! - Ворковала с кухни мамуля.

- Да мам, конечно! Сложно от такого отказаться, хоть сейчас я и на диете. Придётся как следует пропотеть на пробежке.

- Не перетруждайся! Тебе ведь ещё и работу нашёл, как всё успеваешь? Вот у нас с отцом почти никогда не хватало то времени, то сил, то желания на спорт.

- Что происходит? - Озадачился паренёк с кладбища. - Почему я не могу пошевелиться? - Вгрызлся он в слова, желая услышать ответ. - Это комната... Это гостиная моих родителей. И как я говорю не открывая рта! Что мать тво... - Не дав ему договорить, я ответил маме. - Она не твоя мать, а моя!

- Ох, да у вас и занятость была другая. Отец на заводе, ты медсестра в поликлинике. Куда уж до спорта. У отца так тем более, сердце, спина, всё болит.

- Послушай, дорогой, я рада что ты всё мне рассказал... Я не думала что у тебя были проблемы... ну, с психикой, как сейчас принято говорить.

- Вы с отцом не виноваты, вся ответственность на мне. На моих решениях и выборах, я признал уже это. И давай не будем возвращаться к прошлому.

- Что ты ей рассказал!? - Скрёбся за возможность могильный гость.

- Мам, я в туалет отлучусь и приду на кухню!

- Хорошо, тогда оставлю картошку на духовке, чтобы не остыла!

- Люблю, ма.

Зайдя в туалет соединённый с ванной, я подошёл к зеркалу и заговорил с внутренним голосом:

- Давай по одному вопросу за раз. - Мягко сделав свой, я стал ожидать ответа.

- Я не буду тебе подчиня...

- Не выёживайся, в моих возможностях вообще тебя отключить. Повторяю для особо одарённых — по одному вопросу за раз.

- Прости, прости! Так, дай подумать, так, так... А! Кто ты? - Нашёл среди множества вариантов вопросов подонок.

- Довольно банальный вопрос. Но честно, я сам без понятия. Возможно я космический паразит, наконец-то нашедший себе оболочку. Но просматривая твою память, могу сделать вывод, что ты большее зло, жирнящий паразит в теле человека. Быть может и галлюцинация, вторая личность, что решила взять всё под свой контроль, ибо твои нейронные соединения не справятся со всеми твоими преступлениями. Ты просто сойдёшь с ума, когда примешь весь ужас сотворённый тобой. Макабристический ты выродок.

- Почему я подонок? Не могу... Мне плохо, как пошевелиться...

- П-ф-ф, как примитивно. Ладно, давай по пунктам. Первый — ты врал родителям, дедушкам и бабушкам о своей «учёбе в вузе». Клянчил у них деньги, тратил их на азартные игры, пропивал, кутил, творил что тебе вздумается! А они тебе даже квартиру снимали рядом с колледжем!

- Но я...

- Всё, нам не о чем говорить.

- Постой, молчу, молчу, прошу продолжи. Умоляю...

- Так вот. - Великодушно продолжил я. - Второе — врал друзьям, что у тебя злокачественная раковая опухоль. У парней брал деньги «на реализацию мечты всей жизни», а звучит-то как красочно! Подруг разводил на секс, как «последнее желание, всегда любил тебя» и бла-бла-бла. Третье — приступил к убийству животных, бедные котята и щенки. Приют тебе верил. Умно было с твоей стороны заранее надеть уйму фотографий, имитировал разное время года. Хитрец, нашёл бы своему таланту другое применение.

- Что ты рассказал маме? - Дрожащим от прижучивания голосом молвил недочеловек.

- Про животных не рассказывай, не переживай. Она бы просто не выдержала. Про всё рассказал, да и не только ей, всем твоим друзьям. Очевидно, что их не осталось после признания.

- Я, я...

- Не оправдывайся, мне это не нужно. Я исправил твои ошибки, которые мог... - Продолжая смотреть в зеркало, я говорил сам с собой.

- Но я же человек. Я понял свой порок. Я...

- Не понял ты ни черта. Ты постоянно винил всех в своих неудачах, завидовал. И я не понимаю почему? У тебя любящие родители, понимающие друзья, что пошло под откос? Ты рос славным человеком. И вообще, мне кажется, что это ты галлюцинация. Безнравственный червь, пожирающий меня. Я поговорил с доктором. И мне назначили курс нейролептиков. И рекомендовали не разговаривать с тобой. Но я учтив. Да и было бы глупо упираться лишь в одно предположение, ведь так? Ведь мир и сознание такие удивительные вещи.

- Но... - Заторможенной речью пытался сформулировать речью

- Сынок, ты что там, заблудился! Отец уже пришёл, ждём тебя на кухне! - Хихикала мама.

- Только не он, не иди к нему! - Заорал провинившийся живой труп.

- К кому? - Поразился я.

- К отцу. Он, он... Запирал меня в подвале на даче, когда мама уезжала и... Я не могу это сказать. Он монстр, я всё вспомнил.

- Но я не вижу этого в твоей памяти. Вообще, даже факта дачи.

- Спроси, спроси у него за столом, это моё последнее желание. Прошу, только одно и я буду готов умереть.

- Ты не умрёшь. - Успокаивал его я. - Просто будешь периодически засыпать. К сожалению я не могу давать тебе контроль. Это значит — никаких тактильных ощущений, запахов, вкуса, движений, коммуникации. Ладно, пока поспи.

- Нет, не-е-ет. Погоди, погоди. Спроси у отца про да...

Фух, наконец-то он уснул. Открыв кран с водой я помылил руки и лицо. Умывшись, я вытерся полотенцем и направился в сторону родителей. Дойдя до кухни меня встретил с лучезарной улыбкой отец и мать. Они уже сидели за столом, ожидая меня для трапезы. Не став медлить я мигом сел на стул и огласил:

- Как же ценно, что мы все вместе!

Румянец на щеках матери говорил лишь о её счастье. Отец не проявил никаких эмоций, лишь приступил к поеданию своей порции картошки, макая хлебшек в салат из помидоров, огурцов, лука и сметаны. Я был безгранично благодарен тому, что нахожусь с ними за одним столом.

Уминая за обе щёки хрустящую снаружи и мягкую внутри картошку, я огляделся. Над новенькой духовкой висели декоративные дощечки-рыбы. Их чешуя проделанная резьбой была окрашена в зелёно-синий цвет. Янтарные глаза с зрачками-шайбами смотрели целеустремлённо. Я подумал, что ни разу не был на рыбалке. И тут меня посетила гениальная мысль!

- Пап, а может на рыбалку съездим, никогда не рыбачил. А вид этих дощечек меня вдохновил! - Я поспешил предать огласке своё вдохновение.

- В каком смысле? Вы ведь рыбачили. - Удивилась мама.

- Когда? Вообще из головы вылетело... - Неловко озадачился я, попутно пытаюсь рыться в памяти.

- А-а-а, ты маленький ещё был. Забыл наверное. Раньше у нас дача была, туда ездили всё лето в году... не помню в каком, если честно, ты помнишь, Миш? - Обратилась к отцу мать.

- Тоже не помню, хоть убей. - Отмахнулся он.

- Ну тебе лет пять было, вроде как. Мы правда одно лето только ездили, потом туда бабушка с дедушкой заселились и как-то не до этого было.

Я сидел неподвижно. Так он был прав. И что же, получается он не виноват?

Закат за окном создал нежные бордово-фиолетовые тона. Слышалась сигнализация машины в дворе. Смех детей, шаблонный и одинаковый, звучал в унисон. Моё сердце забилося, я не знал как быть.

- А ты чего не ешь, силы из воздуха решил брать? - Подкалывала мама.

- Да с этой диетой с ума все сходят. Лучше быть с пузом как я, но сильным! Давай, уплетай богатырь! - Поддерживал отец.

И кто я буду после всего этого, если промолчу. Я вообще существую?

- Мне что-то нездоровится, живот прихватило, я пойду прилягу в свою старую комнату, хорошо? - Я врал на ходу, пытаюсь найти повод сбежать и подумать наедине.

- Ой, может таблетку? - Захлопотала мать, подскочив с табуретки, мигом открывая верхнюю дверцу с аптечкой.

- Опять ты со своими таблетками! Сразу видно, медсестра! Просто быстро хомячил, вот и заболело. Жевать надо! - Громко гоготал отец.

Выходя из кухни, я обернулся посмотреть на отца. Пока мама наперекор высказыванию главы семьи рыскала в поисках таблеток, папа смотрел на меня грозя кулаком.

Залетев в свою обитель я запер дверь. Я думал всю ночь, лёжа и смотря в потолок и решил, что там будет правильней всего. К тому же, что я мог изменить, если всё уже произошло...

Спорадически я просыпаюсь от своего вечного сна. Я могу спать день, месяц, год. Каждый раз передо мной различные приятные моменты. Вот моё тело, вернее тот, кто им управляет, ужинает в шикарном ресторане с миловидной девушкой. Примерно через год получение первой зарплаты с пятью ноликами на профессии геймдизайнера. Следующий кадр женитьба. Ещё дальше рождение дочки. После следует её первое слово. Далее путешествие по Европе. И так далее, далее, далее. Мне удаётся урвать кусочек ощущений от каждого события. Но порой я отсутствую слишком долго. Не получается верить в подлинность собственных воспоминаний. Кто-то другой во мне, некто, явление, не говорил со мной с того дня. И вряд ли заговорит вновь. Зато образы того бесконечного кладбища отпечатались знатно в моей памяти. Может я действительно всего-напросто скверный, мерзкий трус у которого не хватило духу поговорить с собой и признать что-то? Но уже не важно. Я раскаялся. Много раз я молил чтобы он меня услышал. Хоть и понимаю что не стоит надеяться, ведь я не слушал никого, когда использовал всех, кто попадётся под руку. Простите меня. Я просто хочу исчезнуть как можно скорее. И вот снова, снова я засыпаю...

Полигамная абракадабра

Из весенних цветов, расцветающих после долгой зимней спячки, выглядывали глазные яблоки. Они проросли и держались на тычинках. Пыльца сонного порошка с пыльника оседала на глазницах. Из-за чего те чесались и тёрлись друг об друга, болезненно моргая. Веки-лепестки защищали зенки от ветра и насекомых, которые любили полакомиться нектаром разношёрстных взглядов. Уши прорастали на коре деревьев, походившими на грибы трутовики. Но звуки, улавливаемые этими ушами, переходили в сердце дерева. Вследствие чего то оживало. И в зависимости от высоты, громкости, тембра звука, дерево получало характер. Как-то потерянный младенец ревел и кричал возле такого дерева с симбионтом ухом. И когда дерево созрело, выпустило ноги-корни из земли, сделало шаг и сразу же легло на бок. Приехавшие санитары леса диагностировали клиническую депрессию. Как только не пытались ей помочь. И побелку делали, обрезали омертвевшую кору, гели мазали, подкармливали почву. А дерево лишь переворачивалось с одного на другой бок и гнило. Один из пролетающих дятлов приметил удручённое дерево и начал реять к нему. Свидетелей не было, дальнейшее лишь со слов дятла из участка местной полиции.

- Вы что-то принимаете? - Вопросал страж закона.

- Товарищ, да как так можно? - Стуча клювом себя по ноге, щебетал он.

Полицейский достаёт зиплок с насекомыми-паразитами.

- Узнаёте?

- Ни-икак нет. - Облизываясь длинным языком тархтел дятел.

- Это было найдено в вашей сумке. Ещё больше в вашем жилье. Если его можно так назвать. Притон полнейший. - Хрустел пожилыми ветвями орган власти.

- Я проживал там у друга... - Отмахивался птиц.

- В организме того безымянного, несчастного дерева было найдено сотни таких жуков. И ваши отпечатки. - Констатировал Леший.

- Может это... это... Я требую адвоката! - Пытаясь взлететь, освободившись от металлической петли на шее, стрекотал дятел.

- Он уже на месте, одну минутку. - Вежливо и по закону смягчал пыл птицы он.

Леший снял своё лицо и положил его в мешок, лежащий в углу комнаты допроса. Рыская наугад, щупая корягами-руками маски, он наконец вытащил одну. Нацепив её на своё лицо-пень, он развернулся.

- Мама... - Слезы искупления, как смола с дерева в жаркий день, полились у дятла.

- Сынок!? Что ты натворил? - Вещал Леший с лицом-ловушкой.

- Я просто хотел собрать денег тебе на лечение. Понимаешь? Всё было ради тебя!

- Ты убил то древо, что пребывало в унынии? - Актёрским мастерством искусно допрашивал Леший.

- Нет, нет. Он сам превысил дозу. Съел всех паразитов за раз. Но я смотрел, я смотрел и мастурбировал. Мама, я не хотел!

Так дятел-фетешист признался в незаконной торговле паразитами.

Лес также окружали грибы революционеры, пускающие свои поры в бездомных ханыг, забулдыг, выпивох летучих мышей. Вечно плачущие облака. Змеи, жертвующие собой ради сотворения идеальный струн для гитар. Великаны муравьи, что из крошек собрались в единое существо и стали отшельниками. Проституки нимфы. Несметное множество мифов и легенд можно поведать об зачаровывающей флоре, фауне, в целом экосистеме этого леса. Но сегодняшний сказ будет о старике колдуне и бабке волшебнице.

Жила эта парочка пенсионеров в закутке города в тесной избе. Их деревянная изба на фоне многоэтажных домов из останков титанов выглядела ничкёмно маленькой со стороны городских жителей. Но для них это было место тепла, уюта и верности друг другу. Им предлагали переехать в новый микрорайон, в хрущи из костей мегалодона, взамен на их владение земель. Их отказ всегда произносился в унисон. Настолько они ладили друг с другом. Они замечали только плюсы. Как минимум по выходу в огород, если они смотрели вверх, то видели великанские останки, смотрящие за их пристанищем. Ни одна ворона не прилетала украсть у них урожай, ведь их пугалами были бывшие боги.

Любовь у них была светла, не без ссор, конечно, но чиста и честна. Струпья раздора сеяли их родители, причём обоюдно с двух сторон. Пытались множество раз насладиться порчу. Делали заговоры. Писали доносы. Однажды кто-то, вроде бабушка нашей волшебницы, заморозила мэра города и погнала того свататься со своей внучкой. Но ничто их не рассорило. Правда свои попытки их родственники до сих пор не оставляют. Кто в виде призрака приходит во сны. Кто-то после смерти вступил в армию некроманта и в свой положенный отпуск навещает их хибару на отшибе.

Старика колдуна звать — Мерлин. А его не менее престарелую супругу ведьмочку — Матильда. Вместе они уже около пятидесяти лет. Любовь у них платоническая. И они оба девственники, в плане плоти, если такое понятие вообще есть. Их объединило великое — колдовство. На протяжении всего стажа совместной жизни, они целыми днями колдовали, придумывали новые, заковыристые заклятья, порой варили зелья. Их даже наградили почётными орденами открывателей в области магии.

Самое выдающееся из их заклинаний позволяло путешествовать во времени, но о нём они никому не рассказывали. И иногда меняли ход истории как им вздумается. Общая тайна и всемогущество скрепляло их союз забористей. Они могли даже омолодить себя, но предпочитали морщинистые тела. Внутри они чувствовали себя молодо, а геронтофилия казалась им гармоничным и эстетичным феноменом.

И вот в один из дней, когда приезжал бродячий цирк в город, старик Мерлин предложил своей супруге сходить на представление. Обычно они никуда не выбирались. Но в буклете было сказано о невероятно способной студентке из магического колледжа. Им захотелось посмотреть на подрастающее поколение волшебников.

Мерлин надел своё лучшее пальто с дырками, ведущими в карманные измерения, где он разместил целые дома для своих домашних крыс. Матильда придела тёплую толстовку и чёрные джинсы, ей нравилось представлять себя личом в этом стиле одежды.

Проходя по заковыристым, живым переулкам, которые порой плутали путников, они кидали под ноги конфеты с парализующим порошком. Благодаря этому, вечно суетливая асфальтовая дорога засыпала, объевшись дарами великих гениев. Добравшись до шатра сделанного из кущи листвы и крон дерева, они оплатили билет своей кровью и вошли внутрь и заняли свои места.

Им обоим было крайне уныло. И от того, что они получали одинаковое впечатление, им становилось задорно и весело.

В первом акте понурый тигр снимал с себя полоски и втыкал в почву, образуя тюремные прутья. За ним последовал далматинец, с которого сыпались его пигментные чёрные пятна, в которые он случайно проваливался, но после взял себя в руки и через опавшую чёрную дыру передал в клетку тигру пилу. И кошка стал спиливать заточающие его полосы. Во всю эту катавасию дешёвых трюков ворвался попугай, который своими перьями затыкал «до смерти» всю труппу.

Во втором акте пузатый мужичок тянул из своего рта бесконечную бумагу. Когда длинна достигла колоссальных объёмов и добралась до зрителей, стало видно, что написано на этом папирусе. Там находились чеки с неоплаченными штрафами.

Зрители зала были разнокалиберные. Мойры залипающие в телефон, продающие свои услуги по гаданию, лениво поглядывали на сцену. Буйные карманницы и клептоманы гарпии ходили между рядами, светя своими грудями перед гномами, отвлекая внимания и обворовывая их. Минотавр на галоперидоле под пускал слюни под присмотром санитаров психиатрической больницы. Медуза, работяга с каменоломне, смогла скопить на билет на представления для своих друзей змеят. Фенрир кастрированный комитетом безопасности располнел и поедал попкорн с кучей масла. Гидра торгующая своими головами на чёрном рынке, как деликатесами для каннибалов, наслаждалась шоу. Астральный контрабандист Харон подыскивал новый товар — души.

Наконец настал третий акт. В нём появилась девочка на катящейся голове циклопа. Остановившись, она сделала поклон не слезая с мёртвой морды великана. Разведя руками, словно охватывая зал, она развалилась на части. Из её конечностей пролился радужный свет, который бился с самим собой, образуя искры, которые словно светлячки поднимались ввысь. Наконец радужная энергия собрала все части тела девушки, образовав кокон. Кокон пульсировал, вибрировал, а затем потух и опал наземь. Все засуетились, неужели конец? Как вдруг раздался мощный взрыв, кокон разлетелся в разные стороны, а на сцене появились звёзды, планеты, галактики. Всё можно было рассмотреть детально, нисходя с места. Ощущение падения в бездну посетило каждого пришедшего гостя.

Старик Мерлин открыл рот и насладился новой магией, такой, которая заставила его кровь бурлить, а член встать. Впервые он ощутил эрекцию. Его супруга не обращала внимание на него, ибо тоже была заморожена шоу.

По дороге домой они делились впечатлениями о фееричном зрелище.

- Ну молодёжь даёт. Хотя и тот тюремный номер тоже забавный. Показывает, что сами себя запираем в своих комплексах, просим спасения, а это спасение извне приносит лишь больше проблем. Своими силами всё надо. - Слегка хохотала старушка, после пару бокалов глинтвейна на ярмарке.

- Да... Видела на что способна та девушка? - С искрами в глазах шушукался старец.

- Влюбился что ли? - Подстёбывая, без намёка на ревность дразнила его Матильда.

Весь оставшийся путь они шли в тишине. Лишь сердце и пенис Мерлина бились как никогда.

На следующее утро старушка проснулась одна в постели. Её это немного смутило, ведь каждый день её будил Мерлин. А теперь пропал, даже записки не оставил. Решив не медлить, она начала хлопотать по дому. Развешала гирлянду из ядовитых жаб, сплела гамак из паутины и приготовила любимое блюдо супруга - суп из греховных исповедей по секретному рецепту её семьи, что передавался поколениями. Принарядилась в мантию для практик и думала, чем ещё удивить возлюбленного, ведь сегодня годовщина свадьбы.

И вот явился Мерлин. И не один. С той самой девушкой-студенткой за спиной.

- Я вернулся. Нам надо кое-что обсудить. - Сказал с порога муж.

Отведя озадаченную Матильду в комнату, усадив на диван, он принялся изъясняться:

- Помни, что я тебя очень люблю. Хорошо? - Сложив руки пирамидкой, садясь рядом, истомно трепыхал словами старик.

- Я это знаю. - Насторожившись протянула руку в сторону супруга она.

- Так вот. - Приняв жест жены, он взял её за руку и положил к себе на колени. - Почему бы нам не разнообразить немного наше откровение?

- Ты предлагаешь ролевые игры? Такое уже было. Или ты про что? Про секс? - Недоверчиво, но с нескрываемым интересом подключилась она?

- И про него и про игры... В общем почему бы нам не колдовать с третьим человеком? Например с той девушкой из цирка... - Лакействовал он, глядя её вдоль пробора волос второй рукой.

- И ты для этого привёл её? Даже не удосужившись обговорить со мной заранее? - Разгневалась она, воротив руку из объятий мужа.

- Но... Я думал тебе понравится идея, мы же часто одинаково мыслим. - Лебезил он.

- Мы разные люди со схожим мировоззрением, но мы не одно целое, не забывайся. И раз так говоришь, может позовём тогда молодого мага?

- Нет! Категорично нет! - Вскочил с сидения и начал размахивать руками он. - Ты же знаешь какие они все выпендрёжники! - Продолжал сетовать он.

- А ты не такой? - В лёгком отчаянии талдычила она.

- Ну послушай, я тебя очень люблю и всегда был с тобой честен. Давай попробуем, ради меня? - Упрашивал капризным ребёнком он.

- Извините, может я не вовремя пришла и вам нужно поговорить? - Кричала у порога молодая чародейка.

- Ну давай, один разок. Если тебе что-то не понравится — дай знак и всё закончится. К тому же, ты можешь быть главной, управлять процессом. - Давил муж.

- Ладно... - Нехотя сказала она.

- Проходи в зал! - Ликующе оповестил гостью Мерлин.

После сразу применил на себе чары молодости и расцвёл фертильностью. Матильда была ошарашена, а как же их идеал старчества?

- Ну, давай, тоже попробуй! Энергии полные штаны! - Широко улыбался Мерлин, направляясь в гостиную.

Матильда помешалась, но в итоге взяла себя в руки и устроила ворожбу на молодость. Встала, отряхнула мантию от пыли и пошла вслед за мужем.

Когда она вошла в свою излюбленную для чтения книг и колдовства комнату, то обнаружила как незнакомка с цирка делает минет её дорогому Мерлину. Тот в упоённом аффекте удовольствия пускал фейерверки из глаз в момент их закатывания, из-за чего потолок дома начал покрываться языками пламени. Юная волшебница покрытая румянцем расцветала мхом и пускала корни из которых выраждались маленькие мандрагоры, целующиеся друг с другом.

- Хватит. - Тихо сказала Матильда.

Но ответа не было, только стоны и хлюпающие, чавкающие звуки исходили от склеенной парочки.

Матильда не стала им мешать. Она вышла в огород. Её посещали противоречивые чувства. С одной стороны она ощутила возбуждение, хоть оно посещало её раньше, оно не было настолько сильным и мешающим. Но почему же она тогда не присоединилась? Возможно из-за отвращения, предательства и злобы. Она сама дала согласие на измену. Но измена ли это тогда? Из её изумрудных глаз полились слёзы. Белокурые кудри повисли ниц от вечно плачущих облаков. Лицо цвета персикового заката было закрыто молочного цвета руками. Матильда не знала что делать дальше. Расстаться с ним? Но пятьдесят лет совместной жизни разможили страхом перемен. Громяхющие вспышки доносились из маленькой лачуги за её спиной, томный визг и вскрики пёстрыми лепестками похоти ложились на уши омоловившейся знахарки. Мысли покинули её. Ей просто захотелось исчезнуть.

Как вдруг раздался мощный взрыв, сваливший на рассаду огурцов Матильду. Она обернулась и увидела руины на месте своего дома. Вбежав внутрь она не обнаружила ни мужа, ни той искусительницы. Лишь пара мелких рыбёшек колыхались на полу. В одной золотой рыбке она узнала взгляд любви всей своей жизни. Она приступила к практике телепатии, направив поток на подводного жителя.

- Мерлин? Что случилось!?! - Передавала мысленное сияние она.

- В-о-о-оды... - Хриплый голос старца вещал в голове Матильды.

Она миглом нашаминила аквариум и телекинезом перенесла в него рыб.

- Так что случилось? - Обескураженно осведомлялась она.

- Я сам не понял. Наши феромоны смешались. Мы решили одновременно произнести заклинание слияния тел и... и... что-то пошло не так. Мы заметили, что ты ушла и решили стать единым существом и ублажить тебя. Прости дорогая, нейтрализуй наши заклинания, прошу.

Не сомневаясь ни на йоту, она принялась разбирать шифр их абракадабры. Но у неё никак не выходило. Неделями она водила их по врачам, магам, ведьмам, богам, но все разводили руками. Она стала реже общаться телепатией с мужем и той девушкой, что тоже была заточена в теле рыбки.

Спустя месяц она переехала в новостройку из мегаладона, получив неплохую компенсацию. Поставила аквариум в центре зала. Обустроила новенькой мебелью. Стала проявлять раскрепощённость. Каждую неделю водила новых мужчин, с которыми пробовала различные практики. Впервые занялась сексом, но не совмещала его с колдовством, чтобы не повторить участь мужа. Так что проба совместных заклятий были отдельным элементом флирта и прелюдий. Она даже дошла до БДСМ практики с опытным кентавром.

- Эй, ты готова начинать? - В латексном костюме вещал жеребец.

- Секунду, только рыбок покормлю. - Отвечала обнажённая, облечённая в кожаную маску с круглым отверстием для рта Матильда.

Мерлин и юная циркачка ловко ловили своими ртами корм под ансамбль шлепков, изнеможённого дыхания и хлюпанья. Их человеческие глаза в рыбьем заточении старались не видеть промискуитета. Но куда бы они не повернулись, их рыбье зрение охватывало комнату с кентавром и Матильдой со всех сторон. Если бы обитатели вод могли плакать, их слёзы не были бы заметны в грязной воде аквариума. Рыбий помёт циркулировал вдоль ёмкости, пока Мерлин пытался выпрыгнуть из стеклянного дома.

Ананасы в кошмарном, ананасы в шампанском

Ананасы в кошмарном, ананасы в шампанском

Прошло чуть больше полутора лет с кончины моих предков. Сколь печально было это известие для меня, осиротевшего, не стоит и говорить. Пускай на момент их гибели мне и было двадцать пять лет, но ни возраст, ни опыт жизни не смогли смягчить факт того, что никого из близких не осталось. Бабушек и дедушек по отцовской и материнской линии я не знал, собственными родителями не распространялись о них. Так что их факт существования был под завесой табу. Отец мой пребывал в позиции учителя литературы. Мать занимала более юридические должности, в подробности которых я не вникал. Ремесло папы влекло меня с детства. Зачитанные с юности книги и сборники Достоевского, Гоголя, Блока, Хармса, Андреева и многих других, задали вектор моего мышления. Если конкретизировать, то это поэзия. Для более глубокого и архаичного изучения словостроения, я поступил на лингвистическое направление, раздел морфемики. Ведь чем больше знаешь о корнях и происхождении термина, тем лучше можешь комбинировать, создавая удивительные и заковыристые афоризмы, связывая раздельные кусочки истории и их смыслы в совершенно новые и неповторимые узы. Своего рода это археологические находки, скелет предложений, вот чем является для меня морфемика.

Если быть откровенным, то именно мама со своей сухой, на мой взгляд, профессией, смогла приобрести мне собственное жильё в имущество и учёбу. Она часто задерживалась на работе, в выходные, была постоянно на телефоне в качестве консультанта. Можно сказать, что работа ей как вторая семья. В плане воспитания промышлял отец, весьма щепетильно относящийся к формированию моего вкуса. Я часто лепил с ним фигуры из пластилина, рисовал, красил футболки акриловыми красками для ткани. Случалось и так, когда меня не с кем было оставить, батя брал меня с собой в школу, оставляя в библиотеке. В детский сад я не ходил, не знаю сам по каким причинам. Их союз я бы охарактеризовал как мифологически-симбиотический. Мама была грозным, целеустремлённым крокодилом, своим качеством хладнокровия добивающаяся любой цели, то есть добычи. А отец - египетской ржанкой, чистящим её ментальный дух после каждого сражения, как в легенде эта птичка очищала зубы рептилии.

Как бы это ни было грустно, но видимо кому-то приходится посвящать свою жизнь подобному уделу рабства, которому была верна моя матушка. До гробового трудоустройства, как говорится в народе. Чтобы некто был свободен от обязательств «поиска и добычи», мог посвящать жизнь великому, более чуткому восприятию окружающего, пытаюсь передать это через изобретения и открытия, как учёные; или же как писатели, обозначающие вертящееся и зудящее в уме многих. Но то ли из-за постоянной изнуряющей занятости, после которой не остаётся сил на анализ, то ли ввиду отсутствия опыта, большинство людей не могут ни поговорить, ни себя понять, при этом, как бы не было парадоксально, постоянно смотря на мир лишь через собственное эмпирическое, чрезмерно упиваясь лишь одним скоропостижным выводом из ситуации. Если близиться к лаконизму, то я благодарен своей маме, она сильный человек. И мне жаль, что я не добился значимого успеха и всю жизнь лишь потреблял. Даже сейчас, после их гибели в раритетном отпуске, я не придумал ничего гениальнее того, чем продать их квартиру и попытаться вернуть вдохновение, исчезнувшее после осознания тотального одиночества. Всё равно я не смог бы спокойно там находиться.

Закупив вина, еды, блоков сигарет и аптечных препаратов на целый год, я принял решение закрыться от общества и бытовых задач. Причём для замороженных сублимированных продуктов я прикупил отдельно гигантскую морозильную камеру. Счёт за ЖКХ можно оплачивать удалённо, с мобильного телефона. Гнёздышко моих родителей располагалось в центре, благодаря чему удалось продать недвижимость за семь миллионов. Куш не малый для нашего не густо населённого города. Остаток с этой суммы получится транжирить ещё год-второй. Предварительно я уволился с извечно-изувеченной подработки курьером. По специальности я не проработал и дня.

Моё рвение к затворничеству и изменению своего сознания обосновывается рьяной жаждой исследовать бессознательное. Сборник со стихами, поэмами, песнями, балладами, хайку и возможно даже с рассказами, планируется выудить из подсознания, обнажив свои страхи и переживания. Мои предыдущие творения в данный момент кажутся мне инфантильными, безвкусными и пустыми. Я рос в золотой клетке, при этом сам её строя, прутик за прутиком. Сейчас же, мне стоит принять кромешность необратимых процессов непредсказуемого существования и попытаться излить все чувства на бумагу. Откупорив первую бутылку, налив красное сладкое в охлаждённый, предварительно помещённый в холодильник, стакан, я сделал вслух тост обрамляющим объектам обихода:

За вас, на первый взгляд пустые

Но жажда осмыслять

Одарит вас душой

Пока удушливая ноша пребывающих

Уносит их в забвение

Вы переживёте всех творцов

Что порождают

Для попытки

Через вас

Себя создать.

Залпом добив первую порцию спиртного, я с восторгом запищал. Получается! Импровизация на ходу, такого не было будто сотни лет! Я спал, долго и беспросветно, сейчас же всё обернётся вспать.

Первый месяц спустя.

Табачный дым витал по комнате, среди кладбища пустых стеклянных бутылок, напоминающих руины внезапно исчезнувшей цивилизации. Дымка зловония просачивалась в ткань, словно антиматерия в нашу вселенную, простынь, наволочек, пододеяльников. Смог пропитывал едким запахом чернослива защиту не первой свежести ортопедического матраса с грыжами, бамбукового одеяла и опустевших на половину перьевых подушек. Шторы водились в занавешеном виде почти что с первого дня приёма хмельного. Дневной яркий свет бурил зрение и мешал формулированию мыслей, заполняя своим сиянием все думы. Скопленные мешки мусора братскими могилами презрительно смердели из коридора, желая быть похороненными со всеми почестями. Сотни исписанных, скомканных, забрызганных чернилами из сломанных гелевых ручек бумаг, небрежно валялись на полу. Опавшими звёздами они не тускнели, не сгорали, а терпеливо покрывались слоями пыли, как бы мумифицируясь.

Вход в постоянное алкогольное пребывание был непомерно грузным. Первую неделю я буквально вливал через силу миллилитры муската. Самый излюбленный исход моего организма был выводением токсинов через рвоту. Но творческий подъём и плодотворность затмевала все невзгоды. К тому же, таблетки от тошноты, сироп от спазмов желудка и аспирин от похмелья, спасали меня не хуже божественного прикосновения. Посещали мысли остановить эксперимент. Ухудшалась память, формулирование чего-то целостного, мелькали вспышки агрессии, в ходе которых я разбил все зеркала в квартире. Но я столько раз начинал и бросал что-либо, после обнаружения у себя этой «особенности», становилось тошно от самого себя. И я решил поклясться перед всем мирозданием, человечеством и тем, что висит за его пределами, что смогу дойти до конца!

Где-то на середине первого месяца я задумался о том, что стоит превратить квартиру в настоящую экспозицию, музей! Исписав оголённые стены, я не мог налюбоваться и часами созерцал результат. Восприятие моего дома изменилось. С изречениями на твердыне добавилась квинтэссенция, которой на хватало ранее. Обитель стал походить на внутренности атланта. На органах которого написали магические символы для сдерживания его буйства. Правда по пробуждению буквы угрюмым кривым почерком взирали на меня. Но по моему, это лишь предавало написанному «душу».

В каком-то фильме я услышал фразу: Сатана — это бумажный тигр. И только сейчас я понял смысл этого выражения. Бумажный тигр выражает собой боль, полученную случайно или закономерно во время акта творения. А Сатана являет собой следствие, на которое спихивают все несчастье, лишь бы не допускать дурного в своём свете. Мол бумажный тигр обретает угрозу «порезаться» и стать Сатаной для оправдания остановки созидания. И сколько бы не был изумителен результат, его не продолжат. Сатана — это бумажный тигр, которого никогда не доделают и будут опасаться самой концепции его сотворения, то есть надуманных причин для оправдания своего бессилия и сохранения песчинки своего «Я». Готовность пожертвовать своим здоровьем, карьерой, жизнью ради экспрессии, перформанса, того, от чего будут вдохновляться дано не каждому. Узреть в метафорическом «бумажном тигре» калейдоскоп явлений, независимых от человека. Человек в моделировании творчества лишь фильтр, через который просачивается сложившийся лад миропредставлений, оставляющий осадок в виде опыта, отно-

шения к опыту и слиянию полученного восприятия. Именно эта всплывшая фраза из шторма памяти придала мне уверенность в том, что всё сделанное мной верно. Моя миссия — отразить в строках свой крошечный кусочек временного присутствия. Эту фразу, естественно я увековечил вместе со своими стихами. Вот пример не самого скверного моего сочинения:

Звериный мандраж
Раскалённые кости
Трещиной слабости
В костре пропитания
Видит шаман роковую судьбу
В дыме шалости
Что хищник, что травоядный
Сам себе пропитанный жалостью
Коллекционный мира фантик
Бумажный тигр
Символ сознания
Охоту ведущий
На недуг всеведущий
Каплющий кровью на союз извечный
Между высшим
И того, что принято называть «человеком».

Иногда я всё же выглядываю на улицу, смотря через линзы окон. Замечая слоняющиеся фигуры населения, я обнаруживаю шлейф тянущийся за ними, он походит на нитки, зашивающие недостатки пространства. Летнее солнце беспощадно пекло лицо, одутловатое и не бритое, высушенное постоянной попойкой. В осколках разбитого зеркала я замечаю свою неряшливость, избитость. Первая реакция дарит мне всю жалкость своего положения. Рефлексия топором прорубает ширму текущей деятельности. Побега от мысли потери родителей, рок социального инвалида, который не может ни с кем подружиться не первый год, предназначения предстать неудачником алкоголиком, опорочить старания и вклад родителей в меня. Но всё меркнет, самоненависть засыпает, когда я вижу тетрадь исписанную наполовину за этот месяц. Магнум опусу быть!

Второй месяц спустя.

Толерантность к алкоголю повысилась. Я не ожидал, что бутылки с вином будут отлетать как патроны в пулемётной очереди. Зато исчезли рвотные позывы. Правда я стал намного меньше сочинять. На смену плодам, пришли семена. Мой быт перешёл в лежачий режим. С утра опохмеляюсь, если не лень топаю в ванную умыться, грею в микроволновке замороженные наггетсы и возвращаюсь на кровать, погружаясь в раздумья. Как-то незаметно пролетели годы сквозь меня. Если пытаться углубиться и ухватить кусочек из вороха размытых воспоминаний, то получается обрывистая киноплёнка штучных шагов. Первый шаг мне около пяти лет, я бегу по парку. Засмотревшись на белку, юрко прыгающую с ветки на ветку в поисках пропитания, моё лилипутское тело запинается об собственную ногу и падает. Мозг не сразу посылает сигнал о боли, из-за чего всё выглядит комичней в тысячу раз. Спустя тридцать секунд издаётся плач. На зов которого сразу же прибегает отец и начинает рассказывать историю. Кажется, он поведал мне о пингвине, постоянно падающего через каждый шаг. Но из-за неуклюжести, эта дальняя птичка находила во льдах реликвии, которые не замечали другие. Он всегда находил нужные слова. Как только просматривается одно воспоминание, сразу пропадают остальные.

Распивать стало легче, но появилась тянущая и колющая боль в районе желудка. Благо моей предусмотрительности. Заранее припасённые обезболивающие таблетки горсткой попадают в проспиртованную слизистую ротоглотки. Манифестом сепаратистов круглые медицинские колёса катятся к своей цели. Добившись желаемого, их собственная мечта растворит в кислоте идеи, творя из их нутра удобрение для социального строя обмена веществ будущих потомков.

Полумрак комнаты создаёт атмосферу готического замка. Хруст горы невымытых тарелок, падение небрежно раскиданных вещей, завывание ветра между щелей, шипение водосточных труб в какой-то момент заменили рокот толпы. Отшельничество каким-то странным образом лишило чувства покинутости, внутреннего одиночества. Принятие энергии, света из собственного нутра, присуждение окружающему души через нежное прислушивание ко всему, умение отделиться от предвзятых ощущений. Разделение себя по частям, вот что такое поэзия! Я — комната в комнате. Я — геометрическая фигура комнат. Я — ничто посреди мира комнат! Ну конечно же, если раньше я лишь думал об этом, то сейчас всё куда проникновенней, получилось это понять и принять! Меня нет как такового, так же как и мира.

Всё заключается в банальных факторах! Память, ассоциации, опыт и восприятие сложенное из познания различных знаний. Заурядный кубик Рубика. Но почему, если понимание всего открылось передо мной, мне всё равно меланхолично при воспоминании родителей...

Отшельник отошедший от себя

Тень оставил на растерзание забытого «Я»

Тошнотой физический явлений

Обнаружил что не шевелился несколько тысячелетий

Первородная химия вещей

Растворила мир

Во взоре его очей

По пустоте бродил странник лишённый чувств

Ему было хорошо

Придумывать вновь суть

Путаясь

Плюнул он

Абсолютом

И снова заснул

Тело стало ощущаться дискомфортно. Боль в животе поддавалась укрощению, но появилась изжога. Спина хрустела при каждом движении. Появились пролежни. По этому я принял решение выходить курить в подъезд. А что бы лишний раз ни с кем не видеться, мои «прогулки» происходили ночью, пока большая часть рабочего народа сопела у себя в постелях. Да и застоявшийся запах от сигарет начал немного раздражать.

Ближе к концу второго месяца, я вернулся к записям в основной блокнот.

Третий месяц спустя.

Всё будто застыло, образуя собой вечность. Даже пыль созвездиями висела в воздухе. Вот образовывалась из семи сор Большая Медведица в районе потолка. Ярчайшая Кассиопея их трухи налипла на дверь в гостиную. А вот и Орион осел на подушке. Находясь в заточении красоты, мои попытки встать с уютно продавленного матраца казались невозможными. Тем не менее совершив дезертирство и став рецидивистом конкретных образов, я смог глянуть на всё под новым углом. Оцепеневший вид захудалой комнатухи предстал довольно в мрачном виде. Создавалось впечатление заброшенности. Моё вмешательство и попытки перестановки никак не помогали. И я принял решение сбежать на перекур. Глянув в телефон, я решил убедиться во времени. Два часа ночи сулили истомным спокойствием курения в одиночестве. Захватив не вскрытую пачку сиг я выбежал в подъезд, провернув заранее вставленный ключ в входную дверь.

С недавних пор я всегда беру ключи с собой. Мало ли, вдруг кто-то зайдёт и закроется изнутри моего улья, пока я буду тут куковать. К тому же, благодаря разрушенному режиму сна, я выяснил, что люди и ночью могут чудить в любом месте. Сколько раз соседи вызывали полицию на ребят в невменяемом состоянии, шумящих в условные четыре часа утра.

Моя баночка для окурков аскетичной статуей стояла в углу ступеньки вниз. Жил я на последнем этаже, на удачу с кучей курящих соседей, так что никто не собирался жаловаться на столь удобное приспособление. Открыв её я ощутил смрад немытых тел, консервированных в пепле. Закурив я присел и стал считать. За почти полных три месяца я выпил половину бутылок вина. Если количество выпитого растёт, то мне может не хватить даже на два месяца! Придётся выходить пополнять запас. Незапланированное изменение деталей эксперимента не обнадёживает. Ведь если постоянно идти на какие-то уступки, даже если это нужда, в конечном счёте всё полетит прахом из-за вольностей.

Но из хороших новостей, прежняя печаль улетучилась эфиром. Лица обидчиков со школы разошлись кляксой, как и их издёвки надо мной. Остался просто сухой факт событий. Настолько сухой, что я завариваю его смешивая с вином, эдакий глинтвейн прозрения, выпиваю залпом, не морщась и не обжигаясь. Скорбь по родителям прошла, в конечном счёте я же их продолжение, значит они со мной навсегда. Ещё из радостных вестей полностью исписанная тетрадь стихами. Первая часть готова. Вдохновение наступает внезапно. Словно я становлюсь его добычей. Оно выжидает момента, когда я расслаблюсь и начну дремать в делирии. После прыгнет и начнёт грызть сердце, заставив меня очнуться, изливаясь кровью от увечий страсти, извиваясь в пропитанном потом одеяле. И когда я буду пытаться вырваться, вернуться в сладкий мир Морфея и не о чём не думать, наступит удушье, приручение моего ума зверем потустороннего вмешательства. Можно сравнить это вселением кого-то в моё тело.

Не всегда получается осознать, когда я сплю, а когда нет. Перечитывая работы, порой не получается узнать в них мой стиль. Порой и слова кажутся заморскими, инопланетными. Последний стих выглядел примерно следующим образом:

Крувош щизник

Ного Нури

Воро гнух

Лопо лац

Не знаю что это означает, но чувствуется родство с каждой буквой. Да даже хрен с этими буквами. За ними скрывается что-то большее. Такое, что не осознать будучи человеком. Сухой кашель распространившийся эхом этажом ниже вытащил меня из размышлений. Встав я из любопытства заглянул через лестничный проём.

Это была женщина, неуклюжа пытающаяся курить. Каждая её затяжка сопровождалась хрипловатым откашливанием. Одета она была в тёмно-синие джинсы, чёрную толстовку с парой аксессуаров в виде колец с гравюрой. Разглядеть детальней не получилось. Появившаяся судорога в ноге из-за неудобного положения заставила мою ногу дёрнуться, вследствие чего раздалось громкое шарканье тапочками об бетонную поверхность лестницы. Девушка резко повернула свою голову в мою сторону.оборот её шеи походил больше на совиную. Вкрадчиво вглядываясь вверх в мою сторону, бездонными глазами из под чёлки длинных рыжих волос, она провозгласила:

- Только учусь, поможешь?

Ступор нагнал меня позже. Самой первой реакцией был испуг и трусость вымолвить хоть звук. Бросив от неожиданности на пол сигарету я умчал в сторону квартиры. Очнулся я в коридоре. Горевшая лампочка укоризненно мерцала, мешая уловить детали прихожей. Какой же я глупец. Как это вообще выглядело со стороны? Заросший сальными волосами мужик, с округлённым животом, в одежде покрытой пятнами, источающий нечистоты сбежал. Может выйти и попробовать заговорить? Но моделирующиеся диалоги приводили к сардоническим исходам. Я вновь стал посмешищем в своих глазах. Статуйей идиота я остался стоять около входной двери, периодически поглядывая в глазок.

Три дня не получалось написать даже буквы. Все мысли стаей саранчи роились в моей голове. Сцена с девушкой крутилась снова и снова. Рекурсия побега приводила к заикленному тупику. Пришло уразумение, что если не встречу с ней, то так и останусь в собственной тюрьме самобичевания. Я выходил по три раза за ночь, но её так и не было. Возможно она забрела во воле судьбы в этот злополучный подъезд и больше я её не встречу. Шесть дней пролетели вхолостую. Лишь мокрота и одышка из-за частого курения посетила меня. На седьмой день, не ожидая новшеств я вышел покурить первый раз за ночь. Смотря в пол площадки многоквартирного дома и что-то бурча себе под нос, я чуть было не столкнулся с чьим-то силуэтом. Тень магическим образом оказалась за моей спиной. Смешок плута раздался в моей голове: «хи-хи».

- Привет, ты всё-таки вышел научить меня курить? - Звонким, но хриплым голосом заговорила девушка.

Я обернулся и увидел её, ту самую рыжеволосую незнакомку.

- Да я... В общем старался каждый день выходить. Тебя просто не было. - Отвернув голову от неё, глядя в потолок давал уклончивый ответ.

- Я работала, начальник шесть дней мучил очередной свой проект. Моя обязанность подчищать за ним. Сегодня наконец-то выходной. Ну-у-у как выходной, скорее перерыв небольшой. Это у моего босса выходной, чтоб ему провалиться. - Масленным тоном, с элементом усталости и растягивания слогов объясняла она.

- Ты где-то здесь живёшь? - Смущённо интересовался я.

- Путешествую, надолго не остаюсь на месте. И не думай обо мне как о невежде, или что я уклоняюсь от ответа. Вообще-то я здесь ради тебя.

- П-п-правда? И почему же? - Сбиваясь в речи, недоверчиво отойдя на шаг озадачился я.

- Забавным ты мне показался. Как зайка убежал от меня, будто я волк.

- Я не забавный! И вообще важным делом занимаюсь!

- Да? И каким же?

На секунду промелькнул образ своры ходячих трупов. Сама эта встреча была странной. Вдруг она маньяк или вроде того? Но гордыня перевесила программу самосохранения и я приступил к декламированию:

- Я — поэт, учёный своего рода и провожу важное исследование бессознательного.

- То-то я вижу вид успешного эксперта!

Я смутился и размяк.

- Эй, не обижайся. Внешний вид не главное, можешь рассказать больше? - Заискивающе хлопала бровями дева.

- Могу прямо здесь и сейчас сочинить что-нибудь!

- Давай! - Радостно хлопала бледными ладошками она.

Нон ест хумано

Квази мори

Геноцидиа имагинатио

Прити паш

Луби Аж

Моё лицо покрылось румянцем, а сердце затрепетало колибри в пожарище. Термоядерный стыд пронзил все ожидания. Вдруг она поймёт меня превратно. И как я мог только такое сочинить. Мне вновь захотелось сбежать. Но на моё удивление она разинула рот и заверещала:

- Как прекрасно! Латынь и ещё один древний язык! Правда есть некоторые ошибки, но так близко! Как ты это сделал? В чём твой секрет?

Я долго молчал, казалось мир успел переварить сам себя, пока мне на ум приходил ответ.

- Не знаю, просто чувствую... - Не найдя ответа, прискорбно отмахивался я.

- Продолжай творить! И полагайся на чувства. - С умилением, пританцовывая подбадривала она.

- А как тебя зовут? - Из-за конфуза решил сменить тему.

- При следующей встрече расскажу! Мне уже пора бежать на работу. - Уже спускаясь по лестнице вниз прощалась она.

- Постой! Когда тебя ждать? - Умоляюще, неожиданно для себя, издалось из меня.

- Завтра! Постараюсь каждый день в это время приходить! - Уже пропав из вида, доносился из глубин чрева подъезда её голос.

- Я ещё должен научить тебя курить!

- Обязательно!

Четвёртый месяц спустя.

Мора, так её зовут. Она сдержала своё слово и приходила каждый день. Мы курили, общались, пропускали бокальчик-второй. Я делал тосты и воспевал серенады ей. Это был первый человек за многие годы с которым получилось сблизиться. На телефон были поставлены ежедневные будильники на одно и то же время, чтобы не пропустить аудиенцию с милой особой. Мора шутила, что мне надо попасть в общество мёртвых поэтов, там точно за своего сойду. Научившись флиртовать, я парировал, говоря что вышел из него, только ради неё. Может и не очень научился флиртовать, но мне нравится думать наоборот.

Моя продуктивность перешла на умопомрачительный уровень. Сутки сменялись, а усталость и сонливость не удосуживались прийти ко мне своим дуэтом. Безостановочно исписывая лист за листом, глотая вино, я заполнил абсолютно каждый клочок бумаги. Поделившись успехом с Морой при нашей очередной встрече, я огласил о завершении эксперимента и пригласил сходить куда-нибудь вместе на ужин. Благо ещё осталась уйма денег с продажи квартиры родителей. Но она лишь насупилась и поспешила прервать наш каждодневный ритуал общения

в тридцать минут. Опостылевшее философствование о её безмолвии насчёт свидания сводили с ума. И в какой-то момент я разгадал в чём дело. Она мало знает обо мне! В основном мы лишь рассуждали или томились в моих сочинениях. По этому при следующей встрече я решил ей поведать корни своей маленькой и личной истории жизни.

Она не появлялась пару-тройку дней. И когда явилась, всё ещё оставалась молчаливой, из-за чего возникала неловкость. И дабы прервать порочный круг я поведал ей обо всём. О травле в школе, родителях, целях в жизни, об опыте с алкоголем, обо всём. Длилось всё невыносимо и нескончаемо. Ни перед кем я ещё не был открытой книгой.

Терпеливо выслушав меня, она смиренно потушила сигарету об стену, оставив чёрную точку пепла на белоснежной краске. Встав рывком, направилась в сторону моей квартиры. Я затрепетал и ужаснулся, какой там бардак! Душ покрылся слоем какого-то жира. Дорога от коридора до комнаты покрыта бутылками, словно опавшими осенними листьями. Фантики, упаковки от еды по которым ползали и доедали остатки тараканы и другие виды сикарашек. Изрезанные пакеты, масками надменно наблюдающие за уродливостью моего внутреннего мира, меняя свой лик в зависимости от угла их рассмотрения. Карнавал разбитого стекла отражающий отвращение к себе. Засохшая блевота, сперма и кровь минами оставленная в различных закромах комнат. Мой дом перевоплотился в приют для хандры, чахотки и мора.

Поспешив за ней что есть мочи, я всё равно опоздал, она проникла внутрь. Зажав руками лицо, чтобы не видеть своего срама, ладони предательски просвечивали насквозь. Содрогнувшись, пытаясь прогнать и смахнуть с себя наваждение, как надоедливую паутину, я поспешил за Морой.

Переступив за порог квартиры мне послышался стон из моей комнаты. Вбежав внутрь я увидел её лежащую и обнимающую чей-то труп.

- Что происходит? - Всё что могло вырваться из моих уст.

- Ты правда хочешь узнать? Знаешь, мне нравился наш досуг. Я могла бы провести так хоть несметное множество вечностей.

- Что блять происходит? Кто это валяется!

- Почему вы все люди такие торопливые. - Целуя в остатки от щеки, гниющего покойника, проговорила она.

Разложившаяся плоть падали восстановилась, расцветая бутонами букета давеча уснувших ночных фиалок. И я увидел себя. Это было моё тело. Дрожащими руками я подобрал осколок зеркала. Его стеклянная гладь отразила меня целиком. Призрачно-бледного, хрустального и эфемерного. У меня не было как такого лица. Дисперсия, вот кем я находился. Отражением света на множество лучей, скомплектованным в сосуде.

- Я... Не хотела тебе говорить. Долго ломала голову, представляешь? Я та, кто обычно этого вообще не делает. Беспрекословно выполняющая все поручения, взяла и нарушила свой обет, обещание, цель!

Всё было как в тумане. Её слова журчали и осами жалили разум, аллергическая реакция яда внимания застала меня, асфиксия восприятия вынуждала прислушиваться к её болезненным формулировкам.

- Ты... - Безжалостно продолжала она. - Мне понравился. Твой ход мыслей, подход, интуитивное понимание мира и возможность передавать это словами! Мне казалось это невозможным. Да что уж там, ты меня вдохновил на собственное написание. Я знала всё наперёд, когда ты умрёшь и что с тобой будет. Поэтому огородила тебя, занесла тебя вне время и пространство как таковое. Создала безопасную зону, где он до тебя не доберётся...

- Кто ты? - Сев замертво, расфокусировав зрение спросил я.

- Думаю ты и так догадался. Если по человечески, то я что-то вроде смерти. На деле же являюсь ипостасью бога. И представь насколько нелепо и прозаично, я прячу тебя от самой себя. Ещё от двух своих воплощений.

- От кого именно? - Пытаясь избежать тишины, навешивал за меня мой язык.

- Бога, кого вы привыкли называть создателем, кто является бытием. А также от хаоса, но он пропитан всюду, вся материя им кишит. Обычно он держит нейтралитет. Ну и мной, что являет собой структурность, баланс — Смерть...

- А как... как я умер? - Колеблющимся говором произнёс я.

- От отравления алкоголем и обезболивающими. Печень в какой-то момент перестала фильтровать и выводить токсины. Летальный исход подступью подбирался к тебе. Ты уходил в муках.

Я не мог поверить ни во что из этого. Это белочка, явно она и ничего больше. Испуганным зверем я подбежал к телефону, вождедея вызвать скорую. Набрав комбинацию цифр я не услышал даже гудка, лишь гвалт и шипение передавались мне в ушную раковину. Тогда я подбежал к окну и открыл его. Картонный вид сменился бесцветным, непрерывным ничем. Встав на край, плача, я сделал шаг, желая исчезнуть и не ощущать этого ада. Но я повис в нигде и никогда. Обернувшись, я не увидел и дома, из окна которого я шагнул пару секунд назад. Вокруг меня начали появляться радужные сферы. Громыхающие, искристые, от которых слепило. Я зажмурился. Как только я открыл глаза, передо мной вновь проявилась моя комната и она. Дьяволица, галлюцинация, гротескное наитие.

- Послушай, я не желаю тебе зла, только спасение. Это не страшно и не больно, я буду также тебя навещать. Мы даже можем стать парой, это ведь одна из главных пылкостей людей,

любовь? Вспомни как ты рассуждал: «Готовность пожертвовать своим здоровьем, карьерой, жизнью ради экспрессии, перформанса, того, от чего будут вдохновляться дано не каждому». Ты с этим справишься.

- Замолчи! - Пытаясь разорвать себе лицо молил я.

- Ты попал туда, куда с трепетом хотел. В закулисье, но даже в закулисье есть свой полóg.

Я впал в кататонический припадок. Непроизвольно дёргаясь, я заорал:

- Теперь я и не уверен, что вообще когда-либо жил!

- Я могу материализовать тебе всё что пожелаешь, даже родителей, но ты должен понимать и не забываться, что это будут всего навсего иллюз...

Не дав ей договорить, я истошно глаголил:

- Убирайся! Проваливай! Исчезни!

- Прошу, не разбивай мне обрётённое сердце с тобой же... У нас впереди целая вечность. Попробуй представить что-то приятное. Напрягись и не дай разуму сломиться.

Действительно. Почему я так нервничаю и впадаю в истерию? Если это всего навсего видения, стоит подыграть и тогда всё сгладится. Если я перестану отрицать, приму правила игры, то может смогу узреть истину...

Я вообразил лес высоких деревьев, с листьями хамелеонами, которые меняли свою форму, становясь миниатюрными формами мифологических животных. На небосводе должны были сталкиваться десятки лун. От их стычек должны исходить крошки в виде светлячков.

И о чудо, всё в точности как я представлял появилось. Но стиль напоминал больше рисунок ребёнка, как таковая детальность отсутствовала.

- Неплохо, учитывая для первого раза.

- Почему всё получилось таким, таким... - Подыгрывал я.

- Незаконченным?

- Да.

- Ну, мало представить или описать несколько элементов, это куда трудоёмкий процесс. Потренируйся, у тебя много времени. А мне пока что пора, долг зовёт.

Подыгрывание привело к хладнокровию и я вспомнил одну деталь.

- А зачем ты слушаешься другие свои части? Если ты являешься ипостасью.

- Знаешь, иногда против себя не попрёшь. Трудно бывает изменить себя, изменить себе...

- Наверное.

- Ах, чуть не забыла. Единственное правило — не касаться меня. Без понятия что может произойти, тут не я властна, а хаос.

- Не понимаю. Ты же трогала моё тело. И зачем кстати, если тут всё искажённая правда?

- Я провела тебя в насущный мир, чтобы показать явь. А тело обнимала чтобы трупное разложение остановить. Мало ли ещё соседи на запах внимание обратят. В вашей реальности тоже стараюсь следы замести. Ладно, до встреч! Только прошу, не забрасывай свои стихи!

И она исчезла. Но не эти акварельные, кривые деревья и не я.

Пятый месяц спустя?

Я игрался с фантазией, с сотворением миров. Пытался придумать свои законы физики и химии. Делал репродукцию исторических событий, которые прочитал ещё при жизни. Бутафория выходила убедительной. Придумывал сценарии похищения меня пришельцами, в общем дешёвые попытки качественного кинематографа. Общался с родителями, но в моей памяти они были слишком картонными, так я понял, что крайне плоско воспринимал их. Занимался сексом со всеми, кто меня привлекал. Синтезировал всевозможные экстремальные ситуации, приходящие мне в башку. Смерть навещала меня каждый день в ожидании новых стихов. Дарила мне подарки в виде придуманных сказочных домашних животных. У неё получалось в разы лучше. Но я ничего не сочинял, не получалось. Всё вело к горькой правде. К моей мусорной комнате, к трупу и осознанию своего положения. Я больше не отрицал, что это всё мираж. Периодически посещала паника, но бежать было некуда, всюду был я и Смерть. Принятие пустоты вызывало скуку, хотелось просто исчезнуть.

Мои попытки разговаривать Мору приводили к ссорам, словно мы были женаты уже десятки лет. Хотя, если быть честным, скорее пылил я и моё невежество. Ведь кто вообще попадал в такую ситуацию? Это уникально. Такой исход событий должен вызывать гордость. Но у меня вызывал лишь отторжение. Также я спрашивал что случилось с моими родителями. Мора клялась, что лишь передела их богу и ничего чудовищного с ними не было, даже боли. Ради меня она подглядела за ними. Но узрев, решила мне не говорить, из-за чего возникали новые конфликтные взрывы. Вскоре она поведала о их новой жизни. Мой отец, литератор, с вездомным воображением, эмпатичный, бдительный стал просто закуской для бога. Как поспе-

шила объяснить Мора, мой папа лишь вернулся назад «домой», ведь он изначально лишь мысль создателя. А мама в свою очередь стала кометой, бесцельно несущейся в космосе, в иной реальности. И как добавила Смерть, когда-нибудь она упадёт на планету и бактерии в недрах кометы создадут жизнь, объединившись с естественной средой небесного тела.

Поначалу после услышанного я лишь больше закрылся в себе. Не разговаривал с Морой, не реагировал на её подарки. Лишь сидел в несуществующей комнате рядом с своим извечным трупом. И пришёл я к закономерной мысли — надо тронуть Смерть. Иного выхода нет. Зачем жить так, как вовсе не хочется? Лучше стать пищевой массой, кометой, животным, тессерактом, чем угодно, чем быть собой в западне.

В очередную встречу Мора держала в руках воздушные шарики и сахарную вату. Я стоял прямо перед ней. Делая уверенные шаги ничего не подозревающую Смерть, на секунду я засомневался. Но когда подошёл почти вплотную, делая вид что беру шарики и рожок сахарной ваты, я поцеловал её.

Всё угасло, контроль тела и разума превратился в сумятицу. Ток прошёлся по всему, что я ощущал. Я начал проживать жизни многомерно, всех живых организмов когда либо живущих. Когда очередь дошла до людей, я узрел миллиарды. Очнулся я глядя на Мору. Но контроль не вернулся. Из моего рта лишь доносились имена, фамилии, отчества, года жизни людей.

- Я... Мне правда жаль. Я хотела быть с тобой всегда! Слушать твои стихи... И я знала твою судьбу, что ты меня ослушаешься и допустила это. Но я не ведала, что всё выйдет именно таким образом.

Пытаясь пошевелиться, сказать что-нибудь, тронуть её вновь, я понял — всё тщетно. Лишь глазные яблоки шевелились. Вверх, вниз, в бока, наискосок.

- Не смотри на меня так. Ты сам выбрал довериться хаосу. И я тебя понимаю. Скоро ты исчезнешь отсюда. И... И... Станешь архивом бога, его записной книжкой по всем людям когда либо им созданных и умерщвлённых мной.

Из моей пасти, аутентично громкоговорителю на вокзале, с брызгами слюны лились лишь имена, фамилии, отчества, даты рождения. Глаза слезились, горло разрывалось и резало от боли, от каждого извлечённого звука. Шевеля глазами, я просил остановить это, вернуть всё назад.

- Мне тоже больно... Я не смогу тебя навещать, зона бога не моя территория. Только если наша триада соединиться в целое, мы снова с тобой увидимся.

Она подошла и раскрыла свои объятия. Словно крыльями он укутала меня в себя. Стало легче, легче чем когда-либо.

Но ничто не длится вечно, по крайней мере кроме моих страданий и потока осмысления ошибок. По моим предположениям я нахожусь в состоянии «записной книжки» уже лет четырёх. Бог предстаёт передо мной, чтобы возгордится собой, своими трудами по сотворению жизни. И я перечисляю, перечисляю, перечисляю, как послушный пёс. Моя память вытеснилась почти что целиком. Значит я успешно выполняю свою работу по хранению всех созданных им людей, что бы это не значило. Я помню лишь одно, что жду девушку, свою спасительницу. Кажется её звали Мора, мор, мо, м... ..

Реинкарнация ожиданий

Дребезжание фанфар из фонающих динамиков, расставленных по четырём углам гигантского спортивного зала, акустическим проводником улавливались прихожанами. Окна были занавешены шторами-атлантами, походившими на древний королевский гобелен. На занавесках в дешёвом стиле были нанесены чёрной краской какие-то символы, знаки и нечто напоминающее иероглифы. Искусственный свет лампочек бил ослепительно белым свечением, как в камере пыток. В передних рядах, перед главой движения, на коленях, скрестив руки на груди, обитали девушки в пёстрых и откровенных одеяниях. Сзади же пребывали парни-рабочие.

Мужчины были одеты в лохмотья, некоторые в мешки из под картошки. На их телах особенно выделялись синяки — знак «очищения». Девушки «собрания» в конце каждой проповеди должны были избивать, наступать каблуками на спины и поддерживать сексуальное напряжение у последователей мужского пола. Один из пунктов легенды гласил: «Дух обретший мужское, убежал от своих чувств, будучи чистой энергией, отверг и побоялся откровений своих прошлых жизней и должен пройти все невзгоды». Испытаний всего три: строительство на благо общей цели, то есть шикарные дома-базы для «гуру»; полное воздержание от женского внимания, несмотря на успешное пользование вниманием противоположного пола верхушки секты; также полный отказ от всего, что человек знал ранее, в том числе близких связей, имущества, догм в какой-либо науке.

Не самые приятные условия, но в защиту несчастных глупцов, можно сказать лишь то, что они попали в то место, где их слышали и прислушивались, по крайней мере в начале. Подавляющая часть людей хотела найти отклик, конкретику в мире. И удачливый мошенник, ввнушил алгоритм, который работает. Страдай, ощущай что получается страдать, поддержка со стороны соидейников, то есть видимость успеха того, что ты чего-то добился и в следующей жизни будет проще. Некоторые потеряли близкого человека и не смогли справиться с горем. Кто-то всю жизнь был одинок. У другого же было всё хорошо, семья, деньги, репутация, но изменения в психике из-за стресса привели к оккультному мышлению. Не мало важный факт, что сам родоначальник, собравший и объединивший столь громадное количество людей сам начал верить в свою божественность, дальновидность и прорицание будущего.

Говорят, в каждой лжи есть доля правды. Но возможно, что через вранье, поступает та правда, что соткана из личного, того, что сознание вожделеет. Другой вопрос в том, почему человек не формирует свою правду, а идёт к тому течению, где есть готовая идея, а главное - люди. Такие же люди, отвергнутые и отчуждённые. Чувство единства играет часто злую шутку, но а вдруг всё-таки произносимое истина, зиждитель общины действует уверенно, слаженно, находя на всё ответ. Не может же толпа ошибаться. Уйма взрослых мужчин и женщин, да и молодое поколение не отстает. Именно так думают те, кто оказался в пространстве в котором слышат и верят в то, что хотят.

С трибуны выступал создатель молодого движения «Реинкарма»:

- Свершилось! Наши мученики всё лето не покладали рук, достроили сей чудесный дворец для нас! Похлопаем нашим материализовавшимся в мужском теле. Но есть один недочёт из-за которых страдания многих прошли в пустую. Главное условие было таково: питаться один раз в день. Жрицы любви, приближённые ко мне архиженищны, доложили о некоторых личностях в тайне поедающих сладкие батончики. Как бы не было прискорбно, но придётся сослать вас всех в подвал на пару дней без еды и воды. - Минутная тишина заполнила зал, лишь ржавая музыка инструментального оркестра из колонок рябила в воздухе. - Я не понял, действуйте. И дамы, не забудьте традицию после завершения ежедневного выступления. - Хлопнув в ладоши, приказал глава секты.

Дамы среднего и более старшего поколения встали, пока мужчины легли животами на пол. Цоконье каблуков ритмично отбивали строй марша девушек. Подойдя к жертвам своего положения, барышни забрались на спины страдальцев и как следует похрустели их костями, продавливая и смакуя каждый шаг. У некоторых более высшего положения в иерархии были с собой коженные дубинки на поясе, которые почти сразу пошли в расход. Стоны, плач, безумный смех эхом заполнили собой простор. Особы с энтузиазмом не скупилась на пинки по челюсти, из-за чего после каждого ритуала избиения на полу оставались зубы.

- А. - Вернувшись к микрофону отвлёк на себя внимание гуру». - И Романа приведите ко мне вместе с Лилией.

Основоположник в синих шароварах, заляпанных спермой и жирными пятнами от бургера, прихватил с собой юных красавиц, которым как пару дней было восемнадцать лет. А также его крайне влекла своей наружностью и верностью относительно недавняя участница по имени Анна. Щеголяя по выстроенным рабами коридорам он радостно свистел и лапал своих наложниц.

Справедливости ради стоит отметить, что он не блистал интеллектом, в отличии от его верующих. Всего напросто они ему доверились и сами додумывали его нелогичные высказывания, ища в них скрытый смысл. Всё их мероприятие длившееся пол года походило на сливок общества, которому подают дерьмо с приправами, сказочно украшенным в фигуры древних греков, а они смакуя и блюя дегустировали, говоря, что нынче такая тенденция прогнившего мира в упаковке величия, радовались и гордились своему «тонкому вкусу и мастерству анализа».

Анна плелась сзади, немного стесняясь. Ей было двадцать семь лет. В возрасте двадцати она забеременела от парня, с которым встречалась ещё со школы. У них был прекрасный союз и жизненный лад. Роды прошли успешно, но после них начались проблемы со здоровьем, в виду которых она не способна продолжать свой род. Её фригидностью последователь был не очень рад. Всё таки ему нравилась идея оплодотворить как можно больше девиц. Но соблюдая своим традициям — всё равно кончал внутрь. Поэтому он находил отраду в насилии, резал ей руки, душил, топил в воде во время секса с ней. Но Анна лишь радовалась этому, ибо как говорил глава — через мучения проявится свет в момент смерти и войдя в этот свет, ты сможешь обрести то, чего желаешь больше всего. А Анна хотела лишь одного — снова иметь возмож-

ность забеременеть. Её дочка погибла, глупо покинув этот мир. Когда ей с мужем не хватало времени побыть вместе, обычно они давали телефон дочке и шли на свидание или запирались в соседней комнате для плотских утех. Но в очередную манипуляцию что-то пошло не так и их кровиночка выпала из окна. Может она засмотрелась на птиц, или хотела попробовать уследить в соседнее окно, чем же занимаются её родители.

- Так, девочки, вы идите в сторону бани и затопите пока что. Мне нужно личное пространство. Ещё и с этими отступниками, Ромой и Лилией глаголить.

Три девушки покорно поклонились и направились к выходу на улицу.

- Ну, живет там! - Глядя в сторону Романа и Лилии вопил гуру.

Он ждал возле входа в свой кабинет, пропуская внутрь анафему. Две охранницы с электрошокерами и дубинками поторапливали провинившихся.

В кабинете на полу был расстелен шикарный турецкий ковёр с узорами из цветов и птиц. Стулья с перевязками для рук и ног были в отдалённом углу за шкафом с кучей вещей с пожертвования. Гигантский свинцовый сейф с валютами разных стран был на видном месте. Адепты, выдавшие его, прозвали «сердцем греха», который оберегал «святейший». Также располагался с БДСМ атрибутикой кожаный, чёрный и раскладной диван.

- Ну, рассказывайте в чём ваша проблема. - Строя глазки Роме и Лилии проявил интерес гуру.

Охранницы усадили пару на диван.

- В общем... - Мямлил парень.

- Мы любим друг друга! Хотим выйти отсюда! - Бунтовала Лилия, активно жестикулируя и хмуря густые брови.

Стоит отметить, что «храм» располагался в деревне, из которой раз в день уезжал автобус в город. Довольно тихое место, из которого проблематично спокойно выйти. Денег ни у кого лично не было, кроме главного члена коммуны.

- Рома, это правда? - Встав напротив него, впился нестриженными ногтями за плечи глава.

- Д-д-а... - Нехотя отвечал он.

- Ты чего! - Повернулась лицом к Роме его возлюбленная. - Ты сам мне говорил, что всё это чушь и главное момент здесь и сейчас! - Покраснев в лице, отважилась Лилия.

- Рома, посмотри на меня. - Давя худощавыми руками говорил гуру. - Тебе не стоит уходить, глянь, что у меня для тебя есть.

Верховный достал ожерелье не то с пивной крышкой, не то раздавленной колёсами поезда монеткой с дыркой.

- Это тебе. - Ослабилась глава, смотря на щенячий взгляд Ромы.

- Правда? Вы мне такое доверите!? - Радовался он.

- Рома... - Впала в бессилие Лилия, когда одна из охранниц пустила по ней ток с помощью шокера.

- Но ты же должен понести наказание, так?

- Думаю... Да. - Послушно, выслуживал Рома.

- Скажи, ты занимался любовью с Лилией.

Рома молчал.

- Да! И в разы лучше тебя! - Дёргаясь верещала Лилия.

- Это прискорбно, грех пропитал вас. Лилию в карцер!

Две женщины-караульщицы телосложения атлантов схватили Лилию, пытавшуюся бежать, огрели дубинами по голове и потащив за подмышки направились в сторону одиночной камеры.

- Рома, на тебе великий грех. Единственный способ отчиститься — стать евнухом.

- А как это? - Слегка в напряжении спросил он.

- Больно, но не навсегда. Мой кулон, который я подарю тебе после даст тебе стопроцентный шанс на реинкарнацию. Тебе нужно попасть в город, денег на билет я тебе дам. Авторбус как раз ездит сегодня вечером. Так вот, твой святой поход будет таковым: по приезду в город купи острое лезвие, после иди в центр города, заранее вызови скорую и отрежь себе член.

После можешь вернуться к нам в рай и я одарю тебя этой мистической реликвией. - Ослабив хватку, гипнотически качал головой из стороны в сторону зачинатель.

- Но... Я же не смогу... - Ошарашенно, покрывшись мурашками и потом щебетал Рома.

- Тихо-тихо-тихо. Ты нарушил догму — не спать с женщинами.

- Но я подумал, раз вы можете... Я же проходил очищение каждый раз, ел один раз в день.

- Т-с-с-с. - Прикрыл грязным пальцем с погрызенными ногтями учредитель секты рот Ромы. - Ты же знаешь, что я не человек. - Улыбнулся уголками рта глава.

- Да, простите... - Раскаялся он.

- И ты знаешь какое наказание тебя должно ждать. Я смиловался, а ты мне нож в спину, да? Не всем ведь так повезло. - Отойдя от Ромы, делал длинные, размеренные шаги по кабинету фанатик.

- Я... я... Согласен.

- Чудно! Слава метаморфозам бытия и его безграничному-вечному! - Шаря по карманам в поисках мелочи для Ромы, провозгласил шарлатан.

Анна закончила кидать дрова и пошла в сторону бассейна. Ей хотелось заранее приготовить любимый коктейль её спасителя надежды, а именно — «белый русский».

Немалую территорию оберегали высочайшие заборы, колючая проволока и собаки на привязи. Деревня была заселена в основном пожухлыми от старости людьми, к которым, дай бог, раз в год приезжал кто-то из родственников. Большая часть приезжающих проводить стариков полагали, что ограждённое здание принадлежит государству. Поэтому никто не вызывал органов власти на проверку.

Когда Анна подошла к бассейну, она глянула на своё отражение на водной глади. Яркий макияж, контур крыльев бабочек исходил из век. Короткое платье, из под которого выглядывали красные кружевные трусики. На минуту ей стало тошно от своего вида. Но сомнения улетучились мигот, когда она вгляделась в черты своего лица. Её дочка вобрала в себя её тоненький носик, острые брови и глаза. Откашлявшись она направилась в сторону веранды, где была установлена стойка для удела бармена.

Глухой удар чего-то деревянного и последовавший за ним крик опешил Анну. Она повернулась к бетонным стенам. Участникам веры было запрещено к ним подходить, но чистая душа и талант сопереживания были сильнее любых законов для неё.

- Кто там? У вас всё в порядке? - Подбираясь украдкой к запретной части сооружения, пыталась громко шептать Анна.

Но ответа не было, лишь шуршание и оханье. После громкий стук об забор. Лестница поступившая по ту сторону коммуны, оказалась выше преграды. По ней усердно карабкался мужичок. Забравшись до зоны видимости территории, он огласил:

- Аня! Как я рад! Знаешь как тяжело было в бинокль следить за тобой и выловить момент, чтобы не было посторонних глаз. - Пыхтел, вытирая рукавом кофты пот супруг Анны.

- Что ты тут делаешь!? - Обозлилась она.

- Как что? Спасая тебя! Скоро здесь будет облава, я вызвал спецслужбы!

- Что ты... Как ты посмел! Ты разрушаешь всё святое, что встречается у тебя на пути.

- Не надо так говорить, прошу... - Опустевшим взглядом пробурчал он.

- Если бы не ты в тот день. Я не хотела оставлять её.

- Мы оба виноваты и не виноваты одновременно. Кто же знал, что всё произойдёт именно так.

- Помогите! Помогите! - Закричала она.

- Тихо, уже поздно сопротивляться! Просто давай я перекину тебе лестницу и ты вылезешь от туда.

- Убивают, спасите! - Не останавливалась она.

На её мольбы выбежало пару девушек. Они по цепочке, словно в игре «глухой телефон» передавали информацию о попытке проникновения на территорию. Наконец факт дошёл до главы, который довольный собой кротко топал в сторону бани. Он передал указ прогнать любопытного гражданина, полагая, что это всего лишь заблудший подросток, которого сослали на лето в деревню к бабушке.

Но тотчас послышались выстрелы. Спецотряд выломал главные ворота и крутил всех подряд, заламывая руки, вырубая прикладом, сковывал в наручники сектантов. Стрельба в воздух вбивала в ступор большую часть женщин. Несмотря на отсутствие сопротивления, блюстители закона были настороже. И не зря, ведь прослышав приближение опасности, идеолог приказал выдать мужчинами в подвале ружья и дать отпор. А сам поторопился в свой офис к сейфу.

Истощённые, контуженные и униженные веруны псевдорелигии взяли огнестрельные орудия. На всех их не хватало, по этому большая часть оравы взяла дубинки, которыми их же и избивали.

Раздался выстрел со стороны здания. Ружья палили во все стороны. Отряд правозащитников создал укрытия из столов покрытых утренней росой. Командир провозгласил:

- Огонь на поражение.

Опорный дом в мгновение ока превратился в мясной склеп. Стычка бегущих мужиков на убой с дубинками была покрыта решетом из пуль. Продвижение нарастало, какая-то часть людей в бронежилетах залетела в здание. Главарь секты набивший рюкзак деньгами и поддельными документами уже лез в тайных земельный проход. Но отряд уже штурмовал и его офис. Раздался предупредительный выстрел. Мошенник почти скрылся из вида, ему всего-то осталось спуститься по лестнице и забаррикадировать проход. Всё просто, он почти у цели. Предвкушая тёплые страны, в которые он сбежит, ощущая свою божественность и праведность пути, он словил пулю и свалился на пол погреба, приняв удар на свой позвоночник.

- Зачинщик ликвидирован, трёхсотый, трёхсотый, приём. - Передавал по радиации один из стрелков.

Анна, получила свою порцию приклада в хрупкий нос при попытке побега. Впрочем как и её муж, тупо слезший и стоящий за той стороны ограда, встретивший подкрепление наряда.

Месяц спустя.

- Я ощущала себя женщиной, желанной когда он брал меня! Ты просто червь по сравнению с ним. И из-за тебя я не смогу больше иметь детей! Моя новая жизнь будет в каком-нибудь тупом животном.

- Ты вообще соображаешь, что говоришь и делаешь! Тебе дали условный срок как приближённый к этому изуверу! Назначили работы с психологом. Если они прознают что ты отлыниваешь от обязательств, тебя посадят! А ты как школьница сбегаешь и агитируешь к этой, этой... выгребной яме! Очнись, я хочу видеть тебя прежнюю!

- Ты просто не знаешь о чём говоришь. Если бы ты знал истину, как я, ты бы сам присоединился к нашей вере.

- Господи, прошу, остановись...

- Когда он меня трахал...

- Заткнись! - Перевернув стул, пиная и громяхая мебелью злился Глеб, её гражданский муж.

- Я всё равно тебя спас. Делай что хочешь... - Успокоившись, направился в коридор Глеб.

- Ты спасал себя, тебе было одиноко, да? Ты ведь реинкарнировался мужчиной! Тем, кто вечно избегает своих чувств! - Смеясь, глумилась ему в спину Анна.

Послышался поворот ключа на два оборота, открытие со скрипом двери и резкий хлопок. Анна осталась одна в квартире гибели своей дочери. Куда бы она не смотрела, всё напоминало о ней. И её личная комната, которая располагалась супротив гостиной. Она долго лежала с закрытыми глазами и плакала. Её не хотелось обижать свою бывшую любовь. Просто она никак не могла принять новую реальность. Панические атаки приводящие её к резанию рук. Голос последователя который просил спасти его, преследовал её во сне. Из-за полугодовой жизни под чёткими приказами, ей было тяжело понять даже базовые чувства, когда она голодна, когда ей спать и что вообще делать. Но каждый раз она собиралась с силами и выходила на улицу в парк, где рассказывала о учении в которое верила.

С мужем она спала отдельно. Ей было совестно от своего побега от него ровно три месяца назад. В тот день она возвращалась после работы домой, предвкушая уныние и подступающие слёзы. По пути к ней подошла ангельской внешности блондинка и поведала о подлинном спасении. Конечно, как разумный человек она попыталась не слушать и обойти стороной надоедливую агитаторшу, но сладкие слова о «новой жизни в которой получится всё» заострили её внимание. Сначала она подумала, что это приглашение на тестирование нового препарата. Но чем больше она погружалась в рассказы о новой жизни в новом теле, тем больше впадала в скептицизм. Тогда девушка предложила сходить на пробный сеанс групповой терапии. Прикинув все за и против, Анна согласилась. Вероятно из-за тотального нежелания находиться в окаянной квартире.

Придя на сеанс, её провели в шатёр, находившийся на окраине парка, впадающего в искусственно засаженный сосновый бор. Ей выдали тёплый плед, усадили на кресло-мешок и дали чай разновидности «молочный улун». На удивление она чувствовала себя в безопасности, но к чаю так и не притронулась, мало ли что подмешали. Ей не промывали мозги, а слушали. Или успокаивали, когда она не могла говорить и давилась собственными соплями и слезами. И она стала заглядывать каждый день после работы в этот шатёр. Понемногу, сама решив, давать им пожертвования, ведь хорошие ребята и к психологу ходить не надо. Но когда поступили известия о переезде в деревню организации, она не раздумывая сняла все деньги с карты, собрала минимум вещей и отправилась с ними в путешествие ни о чём нежалея, никого не предупредив.

После возвращения домой у неё возникали спазмы в желудке, сопровождающиеся тошнотой, иногда диареей или температурой. Сознание плыло в такие моменты. Муж сочувственно просил её сходить в поликлинику на сдачу анализов, мало ли что она подцепила в тех условиях. И каждый раз она находила отговорки. Но сегодня ей было как никогда плохо. При виде еды её выворачивало наизнанку. Постоянная сонливость сулила половые заболевания.

Она поглядела на настенные часы в виде совы с зелёными циферблатами-глазищами. Телевизор был выключен. От избыточной тишины пищало в ушах. Мягкие игрушки лежали отвёрнутыми в стену. В последнее время её пугали взгляды. Было страшно выходить на улицу.

Встав с мягко насиженного дивана, она переоделась в уличную одежду: джинсы, белая футболка и толстовка с принтом котёнка. Выйдя в коридор она по привычке глянула в сторону комнаты дочери и хотела произнести: «Я скоро вернусь, что-нибудь взять в магазине?». Но поймав себя на бессознательной мысли, сразу же перевела взгляд в сторону двери в подъезд и прикусила до крови нижнюю губу, желая прогнать наваждение.

Идя по улице она смотрела под ноги шурша опавшими листьями. Периодически она наступала на лужи и вода просачивалась сквозь кроссовки, пропитывая грязной влагой носки и кожу на ногах, из-за чего та скукожилась и натирала мозоли. Но ей было всё равно. Её думы были полностью посвящены главе попавшему в кому после попадания пули в голову. Навещать его было нельзя, так как следствие касательно него всё ещё велось. Правда одной из почитательниц, что отсутствовала в день «икс» удалось устроиться медсестрой в больницу. Эта чудо женщина сделала закрытый чат, пригласила кого смогла найти среди последователей и писала каждый день о его состоянии. Мы все молились по резону его реинкорнации. Хоть и было бы грустно, если такой чело... светлый ушёл из жизни.

Дойдя до поликлиники она постояла, перебирая с ноги на ногу в попытках почесать пропаренные ноги. Выдохнув, сделала шаг и зашла внутрь. Запах хлорки дразнил нюх. Уборщица недовольно поглядывала на всех пациентов и извергала беззвучный ропот. Сдав одежду в гардероб она направилась сразу на второй этаж к кабинету терапевта. Запись у неё была электронная на четырнадцать часов дня. Оставалось буквально минут десять. Но подойдя к нужному месту, спросив у кого на какое время запись, её приструнили.

- Девушка, некоторые здесь с одиннадцати утра ждут. У вас самой на какое время? - Шепеляво кряхтела беззубая пенсионерка, которую, казалось, придерживал давно умерший старик-муж с опавшим лицом.

Анна собиралась ответить, но старческий мускусный запах вызвал рвотные позывы. Не контролируя себя она извергла кислотную жидкость, напрягая неработающий желудок.

Толпа на скамейки затрепетала.

- Может воды? - Вышел из эскапизма молодой человек, приоткрыв одно ухо от беспроводных наушников.

- Скорую, скорую надо! - Ожил дед, пытающийся встать и продемонстрировать рыцарские манеры.

- Ой что творится. Такая молодая ведь.

- Давайте пропустим. - Предложила мать с маленьким ребёнком на руках.

Смотря через слёзы Анна увидела в силуэте малыша свою дочурку. Разрыдавшись, она хотела была убежать прочь. Но судорога в ногах предательски сковала её движения и она облокотившись о стену скатилась на пол.

Из кабинета вышла помощница терапевта.

- Что с ней? - Сиповатым, проспиртованным голосом узнавала престарелая медсестра, вытирая руки после поедания конфет об желтовато-белый халат.

- Плохо стало, стошнило бедняжку. - Убаюкивающим тоном объясняла бабуша.

- Занесите в кабинет на осмотр. - Огласила медичка.

- Я помогу. - Подскачил парень, полностью освободившийся от наушников, из которого играла какая-то кашемала из электронных звуков.

Заташив Анну, терапевт включился в свою работу, провожая пациента, что занёс для благодарности конфеты и бутылочку коньяка.

- Что вас беспокоит? Можете рассказать. - Принялась клацать мышью компьютера врач.

- Тошнота, частое мочеиспускание, сонливость, кошмары... - Приходила по немногу в себя Анна.

- Может вы беременны?

- Это вряд ли, бесплодна после рождения ребёнка.

- У вас постоянный половой партнёр? Был незащищённый половой акт?

- Не один, был... - Отрепённо и со смущением сказала она.

- Ага, ага. Давайте я назначу вам анализы на кровь, кал, мочу. У нас на третьем этаже баночки продаются, возьмёте их там. На венерические заболевания, на проверку гормонов также сейчас выдам направления.

- Хорошо, спасибо большое. - Полностью собравшись, поднялась Анна с кушетки.

- Сидите, сидите. У нас принтер тормозной.

Старый принтер надрываясь роботом, пытавшемся признаться в любви человеку, издавал посмертные звуки.

Когда бумажки были распечатаны Анна направилась по нужным кабинетам. Кал ей так и не удалось сдать, как бы она не тужилась в туалете. У неё всегда были с этим проблемы. Но кровь и мочу она сдала. Правда на это пришлось потратить добротных три часа в очереди. Сдав всё, что смогла она поинтересовалась когда придут результаты. Ей ответили, что итоги анализов придут на электронную почту, которую она указывала при записи к терапевту.

По дороге домой она зашла в парк. Подойдя к сердцевине сквера, к наработавшему фонтану, она искала к кому бы подойти. Зацепив взглядом двух молодых парней беседующих на скамейке.

- Здравствуйте ребята. - Широко улыбнулась она.

- Здравствуйте. - Ответил парень с коротким ирокезом, пока второй сложил руки друг с другом, обнимая себя.

- Как вы считаете, есть ли перерождение? И хотели бы вы узнать что будет в следующей жизни?

- О-о-о. - Захохотал короткостриженный парень, смотря на своего длинноволосого друга. - Мы безработные наркоманы, девушка. - Переместил акульий взгляд на Анну, продолжал он. - И мы не для того уничтожаем и плавим свои мозги, чтобы и в следующей жизни, не надо нам такого счастья. - Подытожил он.

- Что безработные верю, что наркоманы — нет. - Улыбалась искренне она.

- Ладно, думаю если и перерожусь то драконом. Буду править тысячу лет людьми и создам утопию, буду мудрым. - Добавил патлатый парень.

- М-м, безработный и дракон — вряд ли. Вот коровой да. - Прикидывала она.

- Эй, почему так? - Возмущался он, поправляя чёлку. - Ведь можно не в этом мире переродиться. И к тому же не работая, человек всё равно может познавать, видеть иллюзии вещей! - Контратаковал парень, пока его друг разглядывал облака.

- Дело в том, что мужчины в целом своего рода «прокляты». И нужны определённые действия для правильной реинкорнации. - С умным видом поучала Анна.

- Слушайте, жить нужно сейчас, с тем что имеется. Если что-то позже и будет — импровизировать можно, авантюризм же не мёртв в конце концов. - Парень с ирокезом встал и позвал друга уходить, махая рукой. - До свидания и удачи! - Прощались они в унисон с Анной.

Вернувшись разбитой и подавленной домой, она не обнаружила следов мужа. Подавшись к холодильнику, она вскрыла банку с кукурузой, съев половину, она перешла на шоколадку с мармеладками внутри в форме медвежат. Казнив каждого из них, раскапывая их из шоколада по средству обсасывания какао плиток, она откусывала сначала головы, а после всё остальное. Традиция с детства. Поняв, что её снова баламутит, она открыла аптечку и выпила снотворные и противорвотные, запив виски, находившимся в серванте. Направилась на диван и просопела до следующего дня, даже не переодевшись.

Проснувшись от вибрирующего телефона, который разрывался уведомлениями, она увидела кучу пропущенных звонков и сообщений. Вчитавшись внимательнее в содержимое она уловила суть: гуру вышел из комы и полиции пока нет на месте, надо помочь бежать. Она подпрыгнула, но ей сразу отдало в живот. Накрасившись, она накидала в сумочку вещи первой необходимости: медикаменты, деньги, документы. Вызвала такси в приложении на телефоне и выбежала из подъезда не закрыв входную дверь.

Оказавшись на улице она пыталась нащупать в кармане штанов телефон, но он забылся на столике в коридоре. Такси с явными выделительными знаками подъехало. Уточнив у водителя что маршрут до горбольницы, она без промедления села. Некогда возвращаться. Предложив кругленькую доплату водителю за быструю доставку в пункт «Б», они помчали, рассекая дороги, игнорируя дорожные правила и случайным стечением обстоятельств избежали аварии.

Доехав до места она уже бежала в здании больницы на нужный этаж. Дождавшись когда весь медперсонал пройдёт мимо, она попыталась войти в нужную дверь. Ладонки потели, в горле пересохло, ноги немного косились. Она нервничала. Не только потому, что забыла номер палаты, ещё и из-за странного влечения к своему наставнику. Вначале она принимала его близость как испытание, некий обет ради высшей цели. Но побыв с ним на расстоянии она поняла, что он тот самый, с кем ей хотелось бы быть всевозможные реинкарнации. От этих мыслей её промежность намокла, а соски набухли.

Обойдя четыре чертога, она наконец наткнулась на нужную. Её возлюбленный праведник исхудал, оброс волосами.

- Это вы! - Растроганно шептала она.

Вокруг него сидели молчаливые и омрачённые приверженцы.

- Что случилось? - Заволновалась Анна.

- Там ничего нет. Лишь отсутствие любых понятий. Это было похоже на... на... Меня просто поглотило бездумье. Нету никаких других жизней, как я мог вообще поверить в это дерьмо! - Начал психовать, стуча атрофированными руками по матрацу гуру.

- Как... - Спихватилась Анна. - Вы... должно быть это очередная ваша проверка? Надо торопиться, пока есть шанс сбежать. - Прояснила для самой себя Аня.

- Я ничего не буду делать. Я боюсь. Я не хочу умирать. - Повернувшись на бок подытожил он.

Аня на автобусе ехала молча домой. Осенний дождик поливал с силой второго пришествия. За окном общественного транспорта не было ничего видно из-за ливня. Лишь размытые очертания ранее узнаваемого мира. На её душе и разуме было никак. И в этом никак крылась решимость, которой ей никак не хватало раньше.

Интуитивно выйдя на своей остановке, она отправилась к родному подъезду. Поднявшись пешком на седьмой этаж она отворила дверь своей незапертой квартиры. Разулась и оставляя мокрый след от промокшей до нитки одежды, пошла в комнату дочери. Присев на кровать, она взяла подушку, на которой спала её любимая дочурка. Обняв её и погрузившись лицом в перину, она сделала мощный вдох дабы ощутить запах волос своего чада. Оглядев комнату, она погладила сама себя по голове. После взяла из комода детский шарфик в стиле одного из факультетов «Гарри Поттера». Повязала узелок на турнике, закрепив шарф и сделала петлю. Делала она всё филигранно и отточено, будто готовилась к этому всю жизнь. Она держалась на лестнице ведущей к качелям и турнику детского спортивного уголка. Связав петлю, она просунула шею, закрепила и сделала шаг вперёд, повиснув.

Через пару часов вернулся её муж. Завидев обувь и мокрые следы в коридоре, он закатил глаза. Но почти сразу переменялся в лице, когда увидел куда ведут следы.

- Я дома! - Крикнул он.

Выждав секунд тридцать, он добавил:

- Ладно, не лезу. Прости...

Разувшись, он направился в гостиную, но уведомления на аппарате жены пробудили в нём интерес. Он взял его и разблокировал, пароля не стояло. Он оправдывал себя тем, что проверяет всё ради блага потерявшей рассудок жены. Это были уведомления на почту с поликлиники.

Это всего лишь результаты анализов. Ну, раз ничего личного, то точно можно глянуть.
- Говорил сам с собой парень.

Так тут всё в норме, вроде. Тут тоже. Повышен гормон ХГЧ... Вероятная беременность, для подтверждения нужно УЗИ... У нас не было близости и получается... - Прикрыв ладонью рот, читал муж.

Битый час он сидел бесчувственно взвешивая все за и против. И принял гордое решение:

- Я стану отцом этого ребёнка. Это наш шанс всё восстановить. - Пробубнил он в своих мыслях.

- Дорогая, у меня хорошие новости. - Вытирая слёзы направился он бывшую комнату своей дочери.

Любовь со скоростью света

С детства я знал, что мной управляют с космоса. Правильнее сказать, сначала я ощущал как что-то внутри меня ползает, а источник проникновения в моё тело был со всех сторон. Будучи маленьким мои слова воспринимали как банальное ощущение тепла, холода, света и прочих нормальных природных явлений. Наглядно я смог понять ортодоксальную причину своего странного ощущения, когда прочёл энциклопедию про космос. Космонавтика и освоение космоса, небесные тела, галактики, виды чёрных дыр и из сумасшедшая сила сдавливания, а также горизонт событий, пройдя через который ты окажешься в сингулярности, в искривлённом пространстве-времени. Правда когда я был маленький там писалось иначе, про возможность других измерений, но зато эта информация мигренью воспоминаний отразилась когда я читал статью про четвёртое измерение и возможных наблюдателей за нами. Тогда я ощутил прозрачные, радиоактивные нити кукловода, управляющего моими чувствами, спасающего из неприятных, а порой и опасных для жизни ситуаций. Как например случай в детстве:

Первую книгу мне подарил отец лишь к шести годам. В детский сад я не ходил. Также как в поликлинику, на аттракционы, музеи и другие занятные мероприятия, открывшиеся мне в отрочестве. Дело в том, что я жил в семье алкоголиков. Рос в роли «маугли», копавшемся на заднем дворе частного дома. Моими друзьями, как тогда я думал были черви и собутыльники предков. Меня частенько пытались напоить ради смеха, но я инстинктивно сбегал и прятался после таких попыток. Ибо видел до каких изуверских жестокостей доводит эта странная спиртовая амброзия. Так продолжалось до моих шести лет. Мама с папой выпивали, дрались, продавали вещи из дома, однажды я даже услышал как мать предложила обменять меня на ящик водки. Тогда отец знатно приложил кулак к её губе. Из-за чего та распухла, как если бы её ужалило множество медуз. Но к сожалению для кого-то и к счастью для меня такой жребий быта закончился смертью матери. Какое-то время отец начал пить за двоих. Её труп лежал несколько дней на сломанном диване, из матраца которого торчали пружины, а посмертный потец вкупе с пивом пропитал все простыни. Когда я смотрел на безжизненные глаза матери, они были всегда открыты, то я не видел в ней абсолютно ничего. Никто не управлял ей, не оберегал, может от этого она и была столь пуста и пыталась заполнить свою пробойну одиночества выпивкой?

Когда вывезли её труп, через неделю отец взял себя в руки и перестал пить. Его трясло, зубы в пляске бились и точились друг об друга, ногтями он ковырял свои прыщи до кровавых шрамов. Я смотрел на его мучения недолго. Органы опеки забрали меня и отдали временно в приют, дав отцу шанс восстановиться, сделать ремонт дома и устроиться на работу. Там я провёл год, меня научили ухаживать за собой, разговаривать, писать и читать. Обучение шло легко. И я всегда говорил воспитателем что мне помогает нечто из вселенной. Они улыбались и говорили что это ангел хранитель. Но прочитав про ангелов, я сделал вывод, что это точно не они. В детском доме я прочёл и про религию, динозавров, космос, географию и много чего ещё.

И к семи годам я воротился назад в ад, как мне думалось. На деле же у меня появилась своя комната, о которой я раньше даже не мыслил. Мне казалось, что она создана для вещей, как бы похороненных в комнате, некий склеп. Отец был свеж и трезв. Он долго передо мной извинялся, умолял о прощении. Я не был на него зол, ибо не чувствовал никакого родства

или дружеских связей. Впрочем мне не хотелось чтобы он попросту страдал и сделал вид, что мне очень горестно и принял его извинения, потянувшись в объятия. Я начал ходить в школу. Сначала я воспринял радостно эту весть, ибо в школах же учат, так? А я хотел обучиться делу космонавтики. Но как только я про это заговорил, весь класс просто засмеял меня, а учитель подразнил, что в космонавты берут смелых и сильных. И я начал стремиться к этому. Заступался за тех кого дразнили или били, делал зарядку каждый день, уплетал порции в столовой, доедая за теми, кто отказался от своей порции.

И к классу пятому у меня появился компьютер. Там я узнал в деталях что нужно на самом деле для космического призвания. Гражданство у меня вроде есть, в сиротском доме меня внесли в базу. Паспорт получу чуть позже. Рост к пятому классу у меня был меньше всех из моей школьной группы, поэтому для растяжки я стал висеть на турниках поначалу каждый день, но когда травмировал плечи и спину усреднил тренировки на четыре раза в неделю. Ради высшего образования я начал учить то, что совершенно не влекло меня за собой. Химия, физика, математика, английский язык. А татуировки я никогда не хотел иметь. Джунгли воспоминаний вырисовывали субтильных соупотребителей родителей, на костяшках пальцев которых были татуировки. Некоторые из них устраивали поножовщину во время распития. Неприятные ассоциации начисто убили желания что-либо набивать на себе.

Можно сказать, что я не вливался в коллектив, принял цинизм и мизантропию как лучших спутников для достижения цели. Так оно и оказалось. После одиннадцатого класса я поступил сначала на медицинский. После была армия. А из армии в лётное училище. Отец на протяжении пути не верил в меня, но и не отговаривал. Лишь причитал чтобы я устроился уже по образованию куда-нибудь и жил спокойно. «Сдались тебе эти звёзды», так приговаривал он. После тирады о работе, он приступал к расспросу о девушках, мол когда внуки. Иногда эмоции преобладали, заполняя неистовством мой уверенный в себе разум. Хотелось припомнить ему о детстве, о его ошибках. Но я каждый раз контролировал себя и представлял миг, как окажусь в новом пространстве и найду ту связь, что звала меня.

Принятие в звездолётчики оказалось многоэтапным, но проходимым. Все нормативы даны, психиатр пройден. Осталась трёхлетнее совершенствование и прохождение сотни испытаний на прочность. Имитация невесомости. Также подготовка в составе экипажа. Многолетний отбор и кладёшь стараний я упусти. Какого-то внеземного восторга я не испытал во время тренировок. Зато предвкушал, можно даже сказать сладостраствовал возможностью встретиться со своим покровителем. Но когда меня избрали для следующего полёта на МКС, после всей исполнительности, рвения и усилий, связь оборвалась. Я буквально ощутил тяжесть существования. Тело стало тяжелее, зловонно источало миазмы, зрение ухудшилось, истощение организма, постоянная простуда. И это за пол года до полёта. Меня грозились отстранить из-за возникших проблем со здоровьем. А вдруг оно умерло, не дождав меня? Или... Даже думать не хочу. Чтобы совсем не раскиснуть и не поддаться астении, я стал усерднее тренироваться. Пить противовирусные, витамины, коллаген, всё то, что раньше не требовалось. И я вновь встал на ноги. И поставил себе цель спасти своего опекуна иной формы жизни.

И вот в назначенный день я уже сидел на борту корабля, пристёгнутый к своему креслу. Поджилки тряслись не от страха полёта, а за встречу, которой может не быть.

Все системы в норме. Бак с топливом полон. До старта минута. - Гласили инженеры по радиосвязи.

Дыхание было горячим, шлем скафандра запотевал, покрываясь конденсатом. Опытные коллеги, летевшие не впервые раз показывали большой палец, пытаясь меня поддержать. Я отвечал им тем же.

До старта три, два, один. Поехали!

Включились двигатели первой системы. Ракета оторвалась от стартовой площадки и мчала вверх. На высоте сто тридцать километров топливо первой ступени закончилось и часть конструкции отделилось. Следом включилась вторая ступень, ускорив ракету ещё сильнее. Трясло словно в шейкере бармена во время пика клиентов. Сознание немного померкло, накрывая волнами бодрствования, сменяющимися состояниями лунатика. Вспыхивающие, надоедливый роем насекомых, огни перед глазами создавали цветные геометрические фигуры, объединяющиеся в какие-то невиданные хтонические постройки, юдоли и леса. Придя в сознание к моменту выхода на орбиту, я окинул взглядом систему управления и других астронавтов. Вторая ступень отвалилась и мы приближались к станции, к части грузового отсека. Успешно пришвартовались, открылись дверь алюминиевого сплава с добавками магния, лития, цинка и марганца. И мы ввалились внутрь орбитальной станции.

Прошли недели. Мы обслуживали наш укромный исследовательский комплекс. Я каждый день глядел в иллюминатор, но ничего не замечал. Связь с нечто не восстановилась. И я был по прежнему одинок. С каждым днём я всё чаще залёживался в своей каюте, отказываясь выполнять свою работу. Люди моей команды бранились и говорили о выговоре и уголовном преступлении, если я и дальше буду избегать труда. Хотя они и беспокоились обо мне, больше они пеклись о безопасности станции и себя. Нехотя я отстёгивал ремни от своей кровати и левитировал к своим ежедневным задачам.

И в один из дней мне нужно было выйти на замену аккумулятора энергосистемы. Я лениво облачил экзоскелет на себя, взял запасные баллоны с кислородом, проверил работает ли связь и был готов к выходу в открытый космос. Направился к выходу в шлюзовую камеру, за мной её закрыли вручную. Из неё выкачался весь воздух, попутно я закреплял трос чтобы не испытать чудеса свободного полёта без возможности спасения, хотя мне уже было всё равно. Люк отворился и я пополз по припаянным лестницам к нужной части станции для замены приборов.

Пока я копошился, боковым зрением я заметил яркую вспышку. Обернувшись я увидел многогранный объект. Не замечая меня он продолжил своё движение, слепя меня перламутровым светом. Даже далёкий свет звёзд был менее загадочен. И я ощутил связь. Это было точно оно. То, что было со мной почти всю мою жизнь.

Немедля я отсоединил страховку и подался за чарующим пришельцем. Но как только я подался в погоню, весь свет, как и многогранник исчез.

Смотря на часы и на остаток кислорода я высчитал, что осталось меньше часа моей жизнедеятельности. Станцию уже было не видно. Я один посреди неисчислимых возможностей, необузданных и не познанных человечеством. Хотя я и лечу десять часов, а вернее направляюсь на верную гибель, мой тело проделало ничтожное расстояние. Мне подумалось, что моё нахождение посреди спектрально цветных пространств светло-бежевого оттенка, походит на быт эмбриона в утробе матери. Мне становилось спокойно. Но по человечески обидно было упустить то, что навестило меня в детстве в самый сложный период. Звёзды, галактики, газопылевые облака, туманности, идеальная пустота пространств, кометы, астероиды, космическая пыль станут домом для моего трупа. Захотелось спать, веки сами замыкались, а к горлу поступало редкое удушье.

- Что ты тут делаешь? - Кипящим голосом, с металлическим звоном послышалось у меня в голове.

Галлюцинации. Вот и мой конец. Смирено поддавался сну я.

- Зачем ты всё усложняешь? - Недовольным тоном продолжало нечто.

И тут я понял.

- Это ты!? Действительно ты? Мой покровитель? - Улыбался в пустоту я еле дыша.

- Покро... кто? Слушай, всё зашло слишком далеко, нас не должны видеть вместе. - Нервно дребезжало оно.

- Я всегда знал что кто-то мной управляет. Или это родство? Скажи, я ведь не человек, мы одной расы? - Подступающая паника ускоряла дыхание, иссушенный рот слипал звуки при попытке продолжить разговор, из-за чего мною сказанное слышалось жалко.

- Ты всё не так понял. Ох, ладно, попробую объяснить, хоть ваш язык человеческий ограничен и неудобен, но думаю я справлюсь. Я делала свою научную диссертацию о людях. Ты, можно сказать, случайно пал на мой выбор. И произошла одна заминка... Мне не хотелось поступать столь вероломно с тобой.

- Что ты имеешь ввиду!? - Поддавшись истерике начал куртиться я.

- Когда тебе исполнилось около двадцати двух, я влюбилась в тебя. И у нас произошло то самое, секс имею ввиду.

- Что!?

- И не один раз, ты ведь сам интуитивно понимал, разве нет? Эта связь начинала ограничивать меня. Мои мысли были лишь о тебе, а мир такой большой, да и вероятностей много, не хотелось замыкаться на чём-то одном понимаешь?

- Ты меня насильовала?

- Я думала ты знаешь и сам не против. Упивался же наслаждением, к тому же откуда у тебя были регенерирующие свойства? Это мои оргазмические соки пропитывали твоё ДНК. Ну и это не столь грязный процесс, как у вас, у людей. Всё происходит на клеточном уровне.

- Меня просто использовали. А я... Я верил в высшее! Всё было зря. - Рыдал я, в попытках снять шлем скафандра.

- Так и знала что у тебя будет истерика. Ладно, я прокололась, как вы говорите. Давай я отправлю тебя назад домой. Постарайся меня забыть и не приходи больше. Если мой парень узнает о тебе, то в чёрную дыру отправит, а это не очень приятно, особенно для хомосапиенсов. Прощай.

Не успел я произнести и звука, как очутился за обеденным столом, в родительском доме. В этот момент как раз папа. Скафандр был на мне, а ложка наполненная борщом у отца во рту. Мы сидели так час, никто не произносил ни звука, ни движения. Но мой внезапный истерический смех заставил отца подскочить, перекреститься и пойти кому-то срочно звонить. Я продолжал сидеть за столом и наблюдать за масляными переливами на поверхности борща в тарелке, сравнивая, насколько это похоже на млечный путь. Вскоре приехала скорая, полиция, но их всех прогнали военные. Погрузив меня в кузов с токсическими отходами, они куда-то повезли меня. Может на опыты с допросами. Но это не столь важно. Надо продумывать план как бы скорее сбежать, чтобы вновь увидеть её. Ту, которая воспользовалась мной, не дав сказать даже финальных слов.

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.